

Михаил Дунаев
Егор Иванов

*Кровь
на бумагах*

Наперегонки

Михаил Дунаев

Егор Иванов

Кровь на бумагах. Наперегонки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466808

ISBN 9785449385833

Аннотация

Конец альтернативных 40-х годов. Отношения между Советским союзом, Великобританией и США крепки как никогда. Но установившийся в Европе мир омрачается конфликтом 1948 года – конфликтом между ФРГ и ГДР. Восточно-Европейская социалистическая республика, образованная на территориях ГДР и Польши, жаждет реванша, а ФРГ мечтает о восстановлении былой Германии. Какую роль в этом играет амбициозный немецкий генерал? И чем его поручение обернётся для капитана таинственной диверсионной роты армии США? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Комбинация в три хода	6
001	6
002	17
003	31
Наперегонки	46
1. На своих местах	46
2. Тяжелая работа	50
3. Рывок	79
4. Перелом	99
5. Тщательные приготовления	111
6. Жребий брошен	117
7. Легенда	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Кровь на бумагах Наперегонки

**Михаил Дунаев
Егор Иванов**

© Михаил Дунаев, 2018

© Егор Иванов, 2018

ISBN 978-5-4493-8583-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Конец альтернативных 40-х годов. Отношения между Советским союзом, Великобританией и США крепки, как никогда. Но установившийся в Европе мир омрачается конфликтом 1948 года – конфликтом между ФРГ и ГДР. Короткая война закончилась потерей ГДР Берлина и прилегающих территорий.

Не прошло и года, как над Германией вновь нависли тучи. Восточно-Европейская социалистическая республика, образованная на территориях ГДР и Польши, жаждет реванша, а ФРГ, в свою очередь, мечтает о восстановлении былой Германии.

Какую роль в этом играет амбициозный немецкий гене-

рал? И чем его поручение обернётся для капитана таинственной диверсионной роты армии США? Ответы ждут вас здесь, под слоем грязи, крови и штабных интриг.

Пролог. Комбинация в три хода

001

25 апреля 1949 года, 11:00

В Министерстве шло напряженное совещание по поводу проблем обороны Германской республики. С утомительно долгим докладом выступал генерал-майор граф фон Лютцен. Кажется, о сложностях с запуском производства танков образца 1948/49 года. За столом восседала седая и грозная элита старого Генерального штаба, который пришлось ради вящего миролюбия всё же переименовать в отдел «А» Министерства обороны ФРГ.

Среди них сидел и генерал от инфантерии Максимилиан фон Рихтер, ждал своей очереди. Ему предстояло доложить о планах обороны в случае нападения с востока. А оно, надо отметить, ожидалось. Из Москвы, из Варшавы приходили тревожные телеграммы, грозные ноты и ультиматумы. Они требовали снять с позиций полки бомбардировщиков, сдвинуть базы вглубь. А сам Рихтер пока сидел и вспоминал тяжелые месяцы начала 1949 года.

Первая половина 1949 года ознаменовалась большими пе-

ременами на карте Европы. Буквально не так давно прокатилась маленькая война между ФРГ и ГДР за спорный Берлин. Ту войну выиграла ФРГ, но наступательный порыв Переходной армии был остановлен нотой из ООН. Они угрожали вмешаться, если война и дальше будет развиваться. Сам Рихтер в то время командовал наступлением и оказался страшно недоволен, когда узнал о внезапном прекращении огня. В результате прошедшего Парижского конгресса были разрешены территориальные споры за Берлин. Он достался ФРГ полностью, в обмен на ряд территорий. А всё, что осталось от старой ГДР, грубыми нитками пришили к новому государству – Восточно-Европейской Социалистической Республике.

«Проклятая жара! Все уже ничего не соображают. А впереди еще мой доклад, который точно подольет масла в огонь» – сидел и думал Рихтер, пока ему, наконец, это не надоело окончательно. Он хлопнул папкой по столу и коротко, отрывисто произнес:

– Господа! Предлагаю прервать совещание на час.

Председательствовавший на совещании, министр обороны Леопольд фон Унгершитц, манерно кивнул головой и изрек: – Сходите, отдохните. Совещание возобновится через час. Собирайтесь к трем. Если кто желает выпить кофе – обратитесь в приемную. Да, распахните кто-нибудь окна!

Рихтер буквально вырвался из плена собрания, и, словно опаздывая куда-то, спешно прошел в сад. Не так давно

разбитый, он уже давал приятную прохладу и трепетал свежей листвой. Вокруг пылала весна, которую невозможно было не заметить. Она кричала – Вырывайтесь из душных контор и задымленных цехов, бросайте корпеть над бумагами! Предайтесь наслаждениям, простым удовольствиям – пению птиц, детскому гомону в парке, шелесту листвы.

Но всего этого Рихтер не замечал или же упорно делал вид, что совсем не замечает. Он достал свою старую трубку, набил ее кавендишем, и, откинувшись на спинку лавочки, с удовольствием закурил. Пустил сизое облачко дыма, и наконец, поддался очарованию сада. Рихтер томно вздохнул и зажмурился, кажется, что он вот-вот начнет потягиваться, пробуждаясь от спячки. И сразу вглубь, в тяжелые мысли:

«А ведь сегодня уже почти как семь месяцев моего вынужденного отпуска. Это бездействие меня доконает! Совершенно нечего делать... Эх, неужели это и есть старость – чувствовать себя как старое пальто, присыпанное нафталином и засунутое в шкаф. А если отставка?! Что мне делать, если меня отправят в отставку? Сидеть и разлагаться в кресле-качалке? Писать мемуары и пить касторку? М-м-да, меня спасет только заварушка, наподобие прошлогодней...»

От этой внутренней подготовки его оторвала работа в лице генерал-майора Лютцена, громко обсуждавшего слухи о новой войне со своим компаньоном, генерал-майором медицинской службы Эренфельсом:

– А я говорю вам, что это чушь! Макс не станет ввязываться

нас в новую кампанию. Он что, по-вашему, слепой? В конце концов, его же и пришлось держать за хлястик, пока его армия рвалась к госгранице. Да что там, я его и держал, господин Эренфельс.

Последние слова Лютцен говорил всё тише, потому как заметил Рихтера. Он рванул к нему со словами – Идемте. Я развею эти странные слухи. – и с этим он окрикнул: – Эй, Макс!

Рихтер медленно обернулся, держа в зубах трубку, и цедя слова сквозь зубы:

– О, Фридрих! Решили погреться на солнце?

– Я удивляюсь, как вы на нем еще не сгорели. Дайте-ка нам ответ на один вопрос.

– Не дам, пока вы не бросите нависать надо мною своей тушей. Сядьте уже и успокойтесь.

Лютцен тяжело сел, скамейка содрогнулась, отчего Рихтер был вынужден принять более деловую позу и надеть пенсне.

– Так, я вас внимательно слушаю, Фридрих.

– Вот что, Макс. Эренфельс меня убеждает, что назревает война. Вы это как-нибудь прокомментируете?

– Разумеется. *Si vis pacem – para bellum*. Перевод требуется?

– Ну, неужели вы хотите сказать, что у нас есть план новой войны?

Рихтер раздраженно хохотнул и язвительно заявил Лютцену:

– А я не думал, что вы еврей, Фридрих! Во всяком случае, план превентивной наступательной операции имеется. Все-таки мы в Генеральном штабе, хотите вы того или нет. Нужно проработать все варианты. От глухой обороны и до молниеносного наступления.

– М-да, Макс. И кто же его составил, интересно мне знать? Рихтер заворчал, недовольный:

– Вечно вы, оперативники, суете нос не в свое дело! Вы же не контрразведка, зачем вам всё знать?

Лютцен сочувственно покачал головой «Нет, такая игра не годится» – подумал он и решил, что надо провоцировать его. «Мы дадим ему бой прямо на заседании»

Но и Рихтер не был бы самим собой, если бы не почувствовал неладного. «А ведь и он что-то знает. Чую я, мне придется отстаивать в жарком словесном бою нашу маленькую игру с поляками»

Дорогой хронометр на руке Рихтера подрагивал стрелкой, приближая момент напряженного противостояния. И вот, без пяти три. Рихтер выколотил трубку, сунул ее в нагрудный карман, застегнул китель, и пошел. А в приемной господы уже столпились, иные выслушивали доводы Лютцена, который пылко убеждал, что война близка, как никогда, что она принесет смерть немцам. А Рихтер просто усмехнулся, и уже готовился к фирменному ироничному комментарию, но тут дверь распахнулась, и министр пригласил всех продолжить совещание.

Генералы, поскрипывая туфлями по дорожному паркету, что мог застать и их молодость, прошли к столу и расселись. Рихтер же взял свои бумаги и начал нервно прохаживаться. Взгляд его зацепился за лёгкие белые шторы, вызвавшие в нем бурю ассоциаций. Он вспомнил и о платье своей жены, Минервы, и о славных временах своей молодости, и о поездке в Россию к родственникам. Шторы трепались на ветру, навевая мысли и о белых флагах мира, которые вскоре надлежало обменять на барабаны войны.

– Итак, господа, генерал-полковник фон Рихтер сейчас представит вам план больших маневров на реке Эльбе. Прошу, Макс, начинайте.

– Благодарю, господин министр. Итак, целью маневров полагаю демонстрацию нашей силы потенциальному противнику, и это в большей мере психологическая операция.

Рихтера оборвал генерал Лютцен:

– Генерал, вам не кажется, что это может явиться предлогом для начала войны?

– Я надеюсь, что да.

Фридрих пламенно выразил недоумение, приподнимаясь со стула: – Простите?!

– Извольте.

– Если я правильно понимаю вас, вы хотите развязать войну?

– И надеюсь, что мне это удастся, – с улыбкой ответил Рихтер. – Вы хотите это прокомментировать?

– Воздержусь, – с гневом ответил Лютцен.

– Продолжим, господа? Славно. По данным нашей разведки, противник сосредотачивает силы в приграничных районах. И самое неприятное то, что там высока концентрация ударных частей. Их происхождение ясно – это армия Советов. Параллельно наш информатор в Москве докладывал о некоторых подвижках в сторону изменений госграниц.

Рихтер говорил с выпученными глазами, явно веря в то, что говорил. Но подтверждений его словам не было.

– Вы говорите загадками! – возмутился Эренфельс.

– Да, в самом деле. Называя вещи своими именами, противник готовит нападение. И наша задача – спровоцировать их на раннюю акцию, к которой они готовы не так хорошо.

Вмешался и министр:

– Как я понимаю, по вашему плану будет сорвана долгая и кропотливая подготовка противника к войне?

– Совершенно верно, господин министр.

– Но что вы предпримете дальше?

– Нам нужна наживка, большая и сочная. На которую клюнет командование противника.

– Например?

– Славный город Берлин. Мы сдадим его.

Публика зашумела, очевидно восприняв это как шутку. Министр мучительно произнес: – Опять?

– Да, господа! – также полушутливо-полусерьёзно ответил

Рихтер: – Но, кроме шуток, господа. Тут и слепой заметит

подготовку к войне, а посему – лучшая оборона есть нападение, как завещал нам великий Клаузевиц. И именно поэтому господин министр озаглавил мой доклад как подготовку к обороне.

Министр взял голос: – Выношу этот жизненно важный вопрос на обсуждение. Имеются ли доводы против?

– Безусловно! – поднялся генерал Лютцен: – Как, по-вашему, Тройка отнесётся к подобной выходке? Второе – что если вы ошибаетесь?!

– А, граф Лютцен застрял в веке восемнадцатом. Современный мир не требует этих реверансов и менуэтов, и, кстати, этому вас должны были научить наши коммунистические противники. Они, как вы замечали, предложения себя не утруждают.

– Ага, а вы, фон Рихтер, прикрываетесь латами борца с коммунизмом? Может быть, еще крестовый поход организуете? Прямо как тогда, в сорок первом.

– Приберегите этот вопрос для скамейки в парке, граф, – и уже обращался ко всем заседавшим: – Есть ли еще критика?

Министр поднял руку в вопросительном жесте: – Не могли бы вы тогда разъяснить подробности маневров?

– Разумеется, – Рихтер раскатал карту со свежими пометками по всему столу, попросив прижать на концах папками и пресс-папье. Сам же взял в руки указку:

– Итак, господа. Маневры «Страж на Одере» затронут

корпусные округа с Первого по Седьмой, включая особый Берлинский. По плану будет развернуто две группы армий, включая полевые части наших союзников. Наши силы – четыре танковых, две парашютно-десантных, восемь пехотных дивизий, укомплектованные по штатам 1948-го года располагаются по всей длине фронта в два эшелона. Плюс ожидается пополнение в виде танковой дивизии Британской Рейнской армии, части американской 8-й армии. Как видите, сил достаточно для того, чтобы напугать противника.

– Но как вы планируете спровоцировать противника?

– Хороший вопрос, господин министр. Провокации, которые предусмотрены по плану – один парашютный полк «случайно» проводит высадку недалеко от 247 высоты, в тылу воинской части противника. В полосе действий совместно англо-германского танкового корпуса будет проведен плановый артиллерийский обстрел блокпостов ВЕСР. А частям трех пехотных дивизий и также частям наших американских союзников подменим карты, по которым они также случайно пересекут государственную границу. Для командования противника это будет выглядеть как вторжение, которое будет отбито, а в плен попадут наши господа офицеры с неправильными картами, или, что будет еще лучше – американцы.

– Безумный план? Хотя, кого я пытаюсь удивить, это же Рихтер! Вам везде мерещатся злые русские? – возмутился Лютцен.

– Бездействие и критика – ваше единственное оружие?

Или вы еще шпагу где-то припрятали?

Министру уже немного надоело это ребячество:

– Отставить словесную пикировку! Это вам не диспут, генерал Лютцен! Господин Рихтер, также возьмите себя в руки и разъясните, что в вашем плане следует вторым пунктом?

– Извольте. Так как инициатива будет в наших руках, мы начнем наступление в Восточной Пруссии силами группы армии «А». Нам нужно вернуть Кенигсбергский «треугольник» в качестве залога будущего окружения армий Восточного блока с юга и севера. Это будет грандиозный котел.

Голос взял и танковый генерал Риткеленц: – Макс, у нас возникнут проблемы с кампанией в Пруссии. Там до сих пор стоят гвардейские части.

– Вы думаете, русские вмешаются? – он еще раз взглянул на карту. Если нечего сказать – смотри на карту, так его учили в военном училище. Макс чувствовал, что сейчас он начнёт противоречить сам себе:

– Глупости, их это не касается.

Заседающие ответили хохотом. Рихтер сохранил невозмутимость, стоял с указкой в руках, как начинающий педагог. Лютцен крикнул поверх буйства смеха:

– И недели не протянем после ультиматума!

Это задело и министра:

– То есть вы предлагаете развязать войну ради недельного успеха? По меньшей мере, странно.

– Мы забросим туда свой стратегический коготь. Для дей-

ствий в ближайшие два-три месяца, в крайнем случае это длинна всей компании. А начнем мы с обороны. И, как я уже сказал, венцом обороны будет сдача Берлина...

Прения шли еще очень долго, но все же...

3 мая 1949 года, 17:13

Часы отбивали ритм неспешной жизни. Неспешной и вынужденно аскетичной – и тут военная аскеза накладывалась на общеевропейскую бедность и послевоенную разруху.

Часы эти венчали своей полированной скромностью кабинет коменданта базы снабжения Объединенного контингента войск где-то у забытой Богом немецкой деревушки, ставшей пограничным пунктом между Германской Республикой и Восточно-Европейской Социалистической республикой. По обе стороны этого фронта говорили на одном и том же языке – немецком.

Деревушка оживала каждый раз, когда на этом полустанке останавливался международный экспресс до Москвы или до Варшавы. Поезд в этом случае стоял по полдня на проверке документов, и бойкие торговки продавали холодное пильзеньское пиво, газеты двух граничащих стран и контрабандные сигареты за инвалюту.

И хоть деревушка носила немецкое название, пограничники говорили по-польски. Пограничников этих, в государстве к востоку от полосатого столба, набирали из поляков, а немцы наслаждались положением узников. Во всяком слу-

чае, так ситуация виделась подполковнику Холтоффу, в чьём кабинете и стояли часы, заунывно отбивавшие ритм службы военного бюрократа.

Стук в дверь разбавил ритм часов. Холтофф не спешил сказать ритуальное «Войдите». Об этом его должны были попросить. На немецком или на польском. Постучались во второй раз

Холтофф откашлялся, надел очки в роговой оправе, и, уставившись в дверь (этот взгляд, как ему казалось, производит на входящего некоторое впечатление) сказал с нарочитой властью:

– Войдите.

Дверь открылась медленно, и вошли двое: – сперва старший лейтенант, а за ним генерал. Старший лейтенант Борзиг был одновременно и посыльным, и переводчиком для Холтоффа.

Борзиг щёлкнул каблуками и представил гостя:

– Генерал-майор Францишек Томчак.

Подполковник встал, не спеша оправил мундир и прошёл через весь кабинет, дабы пожать руку гостю. Переговоры с поляками он предпочитал вести стоя – вроде бы и демократично, а гости чувствуют себя не на своём месте. Вся служба Холтоффа состояла из таких мелких хитростей.

– И что же угодно генерал-майору? – с улыбкой спросил подполковник, отчаянно налегая на ладонь поляка.

Поляк зашипел, и с неловкой улыбкой встряхивал правую ладонь. После того, как он услышал вопрос, обращенный к нему, он дал развёрнутый ответ, извлекая из внутреннего кармана бумагу с печатью:

– Товриц Холтофф, он из Восьмой мотострелковой. Просит бензина.

– Я ему не бензоколонка. Сколько он просит? – спросил, не переставая улыбаться, подполковник.

– Сто пятьдесят тонн.

– Мы не дадим ему ни капли, – сказал он и кивнул генерал-майору.

– У него бумага из отдела снабжения Генштаба.

Подполковник проворчал: «А в старину он назывался квартирмейстером.» – после чего взял этот документ, и, глянув на шапку, сказал:

– Мы спасены. Документ не переведён на немецкий язык, и я имею все основания ему отказать.

Старший лейтенант промолчал с секунду, и бросив взгляд на ожидавшего положительного ответа поляка, проронил сквозь зубы:

– Вы разводите бюрократию. А он, а дивизия?

С лица поляка сошла улыбка, после того как он услышал эти слова. Не нужно знать немецкого, чтобы уяснить смысл слов «бюрократия» и «дивизия»

– Секунду. У меня есть отчёт. Он на немецком. Понимаете?

– Да, товарищ подполковник.

Холтофф быстро прошёл к столу, вытащил из открытого ящичка заготовленный «пессимистический отчёт», в котором говорилось, что наличный запас на базе составляет 200 тонн «железного запаса», а пополнение ожидается только через неделю.

– Отдайте ему с сострадательной миной. Посоветуйте расположиться на постой километрах так... в сорока. Зайдёте потом и я вам кое-что покажу.

После чего он уселся за стол с видом, как будто читает толстенный отчёт. На самом деле в папке с кожаными обложками и золотым тиснёным гербом Восточно-Европейской республики он прятал развлекательное чтение или кроссворды. Глаза, укрытые под массивными очками с роговой оправой приобрели задумчивость, подобающую и чтению отчёта, и разгадыванию кроссвордов. Он даже пытался нащупать карандаш на столе, отрешившись от насущных проблем с топливом и его потребителями, и чуть не спросил про тюрьму и площадь в Париже.

Наконец, дверь захлопнулась. Он мог спокойно найти карандаш, но кроссворд пришлось отложить. Он снял надоевший ему китель, оставшись в рубашке да брюках на подтяжках, и отправился к своему заму и доброму знакомому по прошедшей войне, которого он запросто хлопал по плечу и называл Фридрихом.

Он постучался в его кабинет, и, не услышав в ответ ни-

чего, решил спокойно зайти. Фриц же стоял и медленно выпускал табачный дым в окно.

– Нарушаем режим, да?

– Лучше это топливо сгорит, чем достанется полякам.

После чего они обменялись дружеским рукопожатием, после чего Холтофф вздохнул, уселся на место для посетитель, и, взяв по-хозяйски сигарету из пачки Фридриха, сказал:

– Пришёл к тебе с просьбой – мне нужен еще один отчёт, – и, закурив, продолжил:

– А тот, что ты мне отправил вчера вечером, ушёл в Восьмую Моторизованную.

– Доиграешься с огнём, – тихо сказал Фридрих, глядя в окно, – и еще раз мои сигареты возьмёшь... а эта дивизия польская?

– Само собой.

– И ты их отправил встать километрах в шести, да?

– Там уже занято, не спрашивай кем.

Капитан молча затушил сигарету в пепельнице и достал для Холтоффа еще один отчёт.

– Я размножил на мимеографе сотню таких отписок. Но, в отличие от сегодняшней, в этих стоит открытая дата. Впечатывай машинкой, в ручку не все верят.

Холтофф ответил привычной фразой:

– Не первый день женаты. Да, кстати, Борзиг прошёл боевое крещение.

– Значит, сегодня устроим заседание клуба?

– Как всегда, в семь.

Холтофф возвращался в свой кабинет, и заметил, как под дверью стоит старший лейтенант. Он прижался к двери, и пытался краем уха уловить, что там происходит.

– Постигаете науку адъютанта?

Борзиг начал краснеть. Холтофф же успокоил его:

– Я понимаю, зачем. Пройдёмте, у меня для вас кое-что есть.

Они вошли в кабинет. Борзиг тихо затворил за собой дверь. Подполковник прошёл к столу, открыл ящик с двойным дном. Выбросил бумаги на сукно стола, чтобы открыть маленький потайной лючок, в котором он хранил чрезвычайный запас иностранной валюты, сигарет – словом, всего необходимого, если эта страна пойдёт ко дну. Был там и подарок для «новобранца».

– Вы отлично себя проявили с этим поляком. Считайте это вашим входным билетом в «Немецкий клуб»

И Холтофф протянул старшему лейтенанту нож:

– Ого! Нож десантника.

– Умеете пользоваться? Служили у «зелёных чертей»?

– Умею, но не служил. Благодарю вас, товарищ...

– И никаких товарищей и званий меж нами, – и продолжая осыпать Борзига удивлениями: – только господа. Вас, господин Борзиг, я приглашаю сегодня в семь вечера в наше логово. Приходите в мой кабинет, и без опозданий.

– Как и подобает немцу, господин Холтофф, – сказал с чувством гордости старший лейтенант, который расцвёл буквально на глазах.

К семи в кабинете собрался весь состав клуба – это были подполковник Холтофф, и его коллега, капитан, которого все запросто называли Гансом, и совершенно неприметный фельдфебель Новенький никогда не видел этого фельдфебеля.

– Ну, господа, пойдёмте.

И заперев кабинет на ключ (опечатывать его он не стал), вся эта честная компания прошла в подвал, и уж чего он не ожидал увидеть – так это бильярдного стола. Самодельный бильярд не отличался дорогим сукном, цвет которого был подозрительно знаком Борзигу.

– Вижу, вас заинтересовало сукно. Его отдали я и Фриц. Это наши офицерские кителя. А вот что там, под сукном, вы увидите по поводу Дня Конституции. Теперь я спрошу вас вот о чём... вы воевали?

– В Большую войну?

– Польские награды нас не интересуют, – отрезал Фриц. Душой компании этого парня назвать было сложно. Или же он просто привыкал к новому лицу в этом подвале.

– Это был риторический вопрос. Я поступил в войска только в этом году.

Холтофф примиряюще сказал:

– И это правда. В ящике к стены, лежит старое военное знамя и наши награды. В тёмном углу мы приготовили кое-что серьёзнее. Мимеограф и печатная машинка.

– Собираетесь готовить листовки?

– Нет, мы его используем по... служебной необходимости. А теперь я скажу вам вот что. Теперь вы втянуты в тайное немецкое общество. Мы помогаем другим немцам, и ждём от немцев национального сознания. Сегодня вы проявили его. Позвольте вам представить и других членов нашего клуба.

Холтофф подошёл к Фрицу:

– Это мой первый соратник, Фридрих Штиглиц. В его светлую голову пришла мысль ограничивать поставки топлива для поляков.

Слово взял и сам капитан:

– Видишь в чём дело. Поляки спустили нам «приоритет». В нём строго дали понять, что немецкие дивизии должны снабжаться топливом в последнюю очередь или не должны снабжаться вообще, если запасы менее пятисот тонн. Двести тонн – железный запас на случай военной катастрофы, а триста тонн бензина сверху – для эвакуации поляков.

– То есть? В случае военного провала поляки уйдут, оставив тылы на немцев?

– А немцы останутся без топлива, и тут два варианта – умирай или сдавайся, но приказов сдаваться не существует.

Холтофф решил слегка скрасить этот желчный песси-

МИЗМ:

– И поэтому мы сберегаем бензин для немцев, говоря полякам, что осталось только двести тонн. Сегодня вы обманули польского генерала и сберегли сто пятьдесят тонн топлива для наших сородичей в армии. Представлю вам и нашего бравого фельдфебеля Фалька.

Фальк решил сказать о своих делах сам:

– Я спасаю немецких солдат от притеснений поляков, но скажу по секрету, – он понизил голос, так чтобы подслушивать было неудобно, – я бы спасал и поляков, если бы их кто-то притеснял. А так, связался с этими «Веймарскими перечницами» и они изображают из себя подполье и играют в бильярд в подвале.

И Борзиг, слегка потупил взгляд, протянув руку этому молодому человеку. Несмотря на возраст – Фальк был всего на пару лет младше, лицо его было исполосовано шрамами, на левой стороне шрам тянулся до самого виска. Не было и мочки уха. Они были не похожи на шрамы от мензурной дуэли. Он поймал взгляд и ответил:

– Шрамы от русских. Защищал Берлин.

Холтофф и Фальк обменялись взглядами, после чего Ганс добавил:

– Он постоянно скромничает... ну-с, давайте господа. По рюмочке и в бильярд.

И будто по волшебству на старом офицерском сукне бильярда явился коньяк.

– Ненормированный. Такого по карточкам не дают и полякам, – отметил Фриц.

– А поляки получают яйца, и, хотя бы немного настоящего масла. Нашим соотечественникам дают яичный порошок и сплошной маргарин, – раздраженно заметил Ганс, упиваясь столь родным ему цветом фельдграу, – зато в армии все равны?

– Разуй карман шире! Польские части сытнее. Нам просто не доверяют, – сказал он, глядя как Фриц разливает коньяк по серебряным «церемониальным» стопкам с германскими орлами.

Ганс поднял стопку: «За нового немца среди нас и за воскресение германского Рейха.»

Борзиг выпил и в некотором замешательстве поинтересовался:

– Рейх?

– Вы верно не помните, как Клемансо хотел запретить нам употреблять это священное слово. Вам не нужно объяснять, как по-немецки страна и как по-немецки государство как совокупность чиновников. А Рейх – это наша держава. Рейх – для всех немцев, разбросанных без угла в родном доме.

– Ганс, только без гимнов! Мозг новичку выносишь через слуховое окошко. Верно? Лучше расскажи, в каком смешном положении твоя должность.

– О, верно! Знаете, сколько чиновников контролируют мою работу? Четыре министерства, представляете?

Борзиг недоуменно спросил:

– Четыре?

– Да. Я как военный подчиняюсь министерству обороны, моя работа на складах требует отчётов в министерство стратегических запасов, то, что на моём складе топливо – значит, я подчиняюсь министерству топливных ресурсов. И, в конце концов, я контролирую кусок железнодорожной ветки и подчиняюсь министерству транспорта. Коммунисты устроили бюрократический ад, но мне он на руку.

И Фридрих резюмировал:

– Как и всем нам. Ну, давайте в две команды. Русский бильярд, играем в две команды. Ганс, проучим молодняк, или равными шансами?

– Кинем монетку. Гинденбург за равные возможности.

Фриц достал монету в одну рейхсмарку. Орёл – со свастикой, и квадратный череп Гинденбурга. Монетка вспорхнула к крыше подвала и приземлилась на сукно.

– Ну вот. Нацистский орёл под президентом. Борзиг, в чьей команде вы собираетесь играть?

– Я... пожалуй, с Холтоффом.

– Ну и отлично. Ян, у нас отличные шансы. Ты как, первым в атаку или второй волной.

Ян тихо сказал: – Ну и шуточки у тебя, Ганс. Вперёд и с песней.

Ганс же пропустил это мимо ушей, и сказал уже Холтоффу:

– За вами первый удар.

Удар, треск, и шары слоновой кости (или всё-таки бакелита), разлетелись. Один из них угодил в правую дальнюю лузу. Холтофф продолжал – он прошёл к правой стороне и попытался загнать еще один... но провал.

Ян всё это время апатично меловал кий для Фрица, ощущая себя оруженосцем. Капитан принял это оружие, встал напротив подполковника, и попытался закатить шар.

– Не пробовали заказать нормальное сукно? – поинтересовался Борзиг.

– Мальчишка! Что вы смыслите в сукне, – возразил Холтофф.

– А мальчишка прав, – тихо сказал Фальк, себе под нос.

– Разговор беспредметен, – отрезал Фриц.

Перед ударом возникла неловкая заминка, и Фальк услышал странный звук. Он тихо похлопал по плечу капитана. Тот сказал:

– Ну... поезд и поезд.

– Такой длинный?

Звук не прекращался. Холтофф отметил:

– Как будто мы сами в этом поезде, но очень далеко.

Но мы продолжим. Бильярд не прервётся.

Пять шаров спустя об этом позабыли, но в их «клуб» постучали. И по заведенной у здешних немцев традиции – когда стучатся, хозяева молчат. Свои войдут, чужие стоят у порога. Стучавшийся вошёл. Это был радист.

– Мы перехватили странные сигналы. Немцы проводили манёвры и перешли границу с нашей страной и передовые части... – радист сверился с бумагой – это пятнадцатая танковая польская дивизия.

– В шести километрах от нас... – тихо заметил Холтофф.

– Вступили в боевое столкновение с неназванным противником пятнадцать минут назад. Мы пытались проверить... сильные помехи.

– Нас глушат. Благодарю за новости.

Радист закрыл за собой. Холтофф отложил кий и тихо сказал:

– Нам пора выпить, господа. Германия напала на это уродливое пятно на карте.

– Это же просто манёвры? – уточник Борзиг.

Точку зрения старшего лейтенанта поддержал и Штиглиц:

– Рано радуемся, господа. Теперь нам придётся исполнять предписания.

– Я вас не узнаю, Штиглиц! Как же топливо, которое должно сгореть?

– За нами усилят контроль.

– Бросьте. Мы будем продолжать как и делали до этого.

В разговор двух «перечниц» встрял и Борзиг:

– Угодим под трибунал и ни капли не поможем Германии.

Капитан резко возразил – Хотите умирать героем?

Холтофф осадил его:

– Умрёте трусом? Не забываетесь. Мы в одной лодке.

– Тогда какова точка зрения клуба?

– Поддержать соотечественников пассивно и увеличить наш круг.

5 мая 1949 года, 16:52

Пустынные улицы Дюссельдорфа были заполнены холодом. Всему виной был дождь. Тяжёлые, как снаряды, капли бомбили город. Армейский джип, водитель которого курил у входа в небольшой книжный магазин, был единственной машиной, припаркованной на улице.

– Капитан, эта погода нас доконает! Опять же зальёт всю дорогу до базы! – окинув взглядом лужи, сказал рядовой, на рукаве которого красовалась нашивка с волком, вскинув-шим морду в протяжном вое, – я под таким ливнем рацию точно чинить не буду!

– Расслабься, Браун, – послышался в ответ слегка хриловатый голос: – здешние дожди не чета тихоокеанским. Одежда там не просыхала днями.

Из-за книжных полок вышла рослая фигура, сокрытая полумраком. Лицо, еле выхватываемое светом, было сдобрено шрамами, вольготно занявшими свои места на лице. Продольный шрам, располагавшийся под линией пробора, был

спрятан под шляпой. Задумчиво оглядев полку, он зацепился за один корешок – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

«Стивенсон, да? Когда-нибудь я должен был до него дойти» – подумал он, беря в руки книгу. Подойдя к девушке, сидящей за прилавком, он передал ей книгу, краем глаза заметив, как рядовой двинулся к машине.

– Герр Бейкер, такими темпами вы скупите весь мой магазин! – улыбнулась девушка, записывая проданную книгу в журнал: – Три марки, пожалуйста.

– Легче стать совладельцем, а то у меня уже место на полках заканчивается, – усмехнулся капитан, передавая деньги: – как поживает Ганс?

– О, хорошо! – девушка расплылась в улыбке: – ему осталось отслужить всего месяц, и он писал, что нашёл прекрасные кольца!

– Поздравляю... – возглас за спиной не дал ему закончить.

– Капитан!

– Да, что случилось? – спросил капитан, убирая книгу

во внутренний карман плаща.

– Капитан, сэр, по радиии только что доложили... – он замялся, переводя дух. – Кажется, учения накрылись. Поляки перешли границу.

В магазинчике повисла тишина. Девушка за прилавком закрыла лицо ладоням и осела на стул. Рука, минуя плечевую кобуру с потёртым «кольцом» внутри, нащупала во внутреннем кармане пиджака нескрытую пачку сигарет. Достав одну, он достал и зажигалку, не уступающую потёртостями пистолету. Щелчок зажигалки, и огонь вцепился в табак. Клубы дыма вырвались из-за рта, и выплыв из-за шляпы, устремились к потолку.

– Запроси у штаба грузовик, нужно забрать «бастардов». Пусть подгонят его к обычному месту, – он двинулся к выходу, и, остановившись у двери, кивнул на плачущую девушку:

– Позаботься о ней, – рядовой неуверенно кивнул, после чего капитан вышел навстречу проливному дождю.

Одинокая фигура брела по залитым дождём улицам Дюсельдорфа. Плащ и шляпа не спасали от нескончаемого по-

тока, вода проходила сквозь ткань, намереваясь добраться до самых костей. Сигарета потухла в прошлом квартале, однако Джон, казалось бы, не замечал этого. Завернув в узкий переулок, он сбавил шаг, все глубже погружаясь в мысли.

«Твою мать, а ведь все так хорошо начиналось. Неужели Советы всё решились? Айк устал от мирной политики? Или же это амбиции очередного карьериста?» – беззвучные вопросы повисали в воздухе без ответа. Некому было на них ответить.

Мимо него один за другим проплывали трехэтажные дома старого города. Четырех лет городу почти хватило для восстановления. Многие дома были отстроены заново и уже успели скинуть с себя сети строительных лесов. Другие же всё ещё требовали штукатурки и кирпичных заплаток. Одинокие прохожие старались как можно скорее добраться до дома, тщетно укрываясь за зонтиками. Какой-то бедолага, пряча голову под газетой, споткнулся и плюхнулся прямо в лужу. Чертыхнувшись, он тут же вскочил и нырнул в ближайшую подворотню. Оставшаяся на мостовой газета сообщала о прошедшем заседании Министерства обороны ФРГ.

Холод пробрался в голову Джона, вызвав небольшой приступ мигрени. Мысли путались, размышления о войне уступили обычному беспокойству за намоченную книгу и писто-

лет в подплечной кобуре, до которого дождь почти добрался.

Потёртый «одиннадцатый» он получил так же, как и остальные – доказав, что сможет с ним управиться. Воспоминание оставляли горечь во рту. Тюремная камера, человек на стуле, мешок, скрывающий его лицо. Полковник протягивает пистолет юнцу и говорит что делать. Человек на стуле тихо бормочет молитву. Пистолет у его головы. Крамольные мысли. Торг с собой. Крик Полковника. Выстрел. Мешок окрашивается красным. Первое убийство Бейкера. Имени покойника он так и не узнал.

Не узнал он и того, почему ему достался потёртый «кольт» первой серии, в то время как остальным выпускникам достались новенькие модернизированные версии. На стволе было несколько потёртостей и царапин, а на рукоятке кто-то оставил несколько засечек. Полковник на его вопросы отвечать не стал. Бейкер заметил лишь лёгкую грусть в глазах наставника.

Двухэтажное старое кирпичное здание было одним из немногих, что не пострадало во время бомбардировок союзников. Деревянная чёрная вывеска над массивной дверью гласила «Летящая валькирия». Старейший бар города казался закрытым – массивные деревянные ставни на окнах были задраены, табличка на двери извинялась за ремонт. Джон

бросил потухший шукур в урну и достал мягкую пачку. Затянувшись, он замер напротив небольшой лестницы вниз, ведущей на цокольный этаж.

«Ладно, какой смысл строить догадки?! Это уже произошло, и с этим ничего не поделаешь» – он курил, пытаясь оттянуть момент. Рука слегка подрагивала, делая нить табачного дыма волнистой. Простояв ещё пару мгновений, он медленно открыл дверь и вошёл внутрь.

Зрение не сразу дало картинку окружение – глаза утонули в табачном дыме. Все столики были заняты, на всех посетителях была повседневные военная форма, щедро украшенная наградными планками. Слух сразу же уловил мелодичный голос, доносящийся со сцены, находящийся в противоположном конце.

«Опять за старое взялся» – пронеслось в голове. Голос был сильным, мелодичным и проникновенным. Джон прислонился к дубовой подпорке, держащей обширный деревянный помост, являющийся вторым этажом бара, ловя бесценные мгновения. Голос со сцены пел что-то о небесах и танцах, но Бейкер не вслушивался. На те пару мгновений, что он стоял незамеченным, он ощутил нечто, что можно было бы назвать спокойствием. Но окрик с ближайшего стола оборвал это чувство:

– Эй, парень, это закрытая вечеринка. Катись отсюда! – крик шёл от жилистого рядового первого класса Джека «Хичкока» Макмилана, получившего прозвище за склочный характер и подстреленную ногу. Джон остался на месте, пытаясь поймать ускользающее мгновение. Макмилан, видя неподвижность гостя, толкнул соседа:

– Помоги парню, он видимо не расслышал.

Сосед встал со стула, благодарственно скрипнувшего, и двинулся к гостю. Это был Голиаф во плоти – двухметровый рост, крепкая спина и сильные руки. На правой стороне лице красовался большой овальный шрам от брови до уха, последствие провальной операции во время Канадского конфликта. Подойдя к Бейкеру, он протянул:

– Сэр. Уйдите подобру-поздорову, а?

Бейкер вздохнул и, подняв голову, посмотрел рядовому Элвину «Скале» Роквелу прямо в глаза. Взгляд Роквелала, сильно изменившийся после ранения, был совершенно пустым. Лишь спустя несколько секунд в его глазах пронеслось понимание. Он побледнел и отступил на пару шагов. Капитан затянулся в последний раз, после чего затушил сигарету пальцами и двинулся к стойке, бросив остолбеневшему ря-

ДОВОМУ:

– Кто стоит как скала, как скала и рухнет.

– Эй, какого чёрта! – возмутился Джек, встав со стула. Окружавшие его сослуживцы обернулись на его возгласы, и устремили свои взгляды к чужаку. Признав в нём командира, они расплылись в улыбках, ожидая наказания для нашкодивших детей. Макмилан осел на стул и потупил взгляд. Джон, проходя мимо его стола, бросил окурок в переполненную пепельницу и похлопал рядового по плечу со словами:

– По приезду два наряда на склад вне очереди.

Не обращая внимания на причитания, он двинулся дальше, осматривая скрытое в полутьме помещение бара, с которым сама судьба сыграла злую шутку. Пройдя через войну нетронутым, сейчас он представлял собой жалкую тень былого благополучия. Массивные дубовые балки, держащие потолок и второй ярус бара, обветшали, и были истерзаны многочисленными дырами от ножей, именами посетителей, и просто неразборчивыми символами. В неровной засаленной поверхности столов отражались немногочисленные лампочки. Деревянный пол был щедро усыпан опилками, уже успевшими отсыреть. Почти дойдя до стойки, он остановился, бросив взгляд на фигуру на сцене. Даже несмотря

на скрипучий патефон, заменяющий оркестр, голос человека мелодично разливался по всему бару.

«Одна песня» – пронеслось у него в голове – «Дам им последнюю песню. Они заслужили».

Сев за засаленную стойку, он обвёл взглядом посетителей бара. Сидящие здесь бойцы – половина роты специального назначения под кодовым названием «Бастрады». Рота была экспериментом армии США по созданию нового вида войск. За годы войны «бастарды» выполнили десятки опасных заданий, как Европе, так и на Тихом океане.

«Да, здесь собрались одни старики» – думал он, скользя взглядом по знакомым лицам: – «Надеюсь, к нашему приезду Миллер уже сгонит молодняк на стрельбище».

Взгляд пробежал по знакомым лицам, заставляя воспоминания рваться наружу.

«Пятьдесят два, от изначальных ста двадцати четырёх. Не так много осталось тех, кто прошёл всё, от приюта до Осаки».

Отворившиеся дверь подсобки отвлекла Джона от размышлений. На место бармена встал грузный старик с почти

лысой головой. Не признав гостя, он спросил:

– Простите, но это частная вечеринка, чужим здесь не наливают.

– Да, знаю, но я считал, что приглашен, Иоганн, – ухмыльнулся Джон, снимая шляпу.

– Господи, Джон, не признал! – старик улыбнулся и достал стакан: – Давно тебя здесь не было. Тебе как обычно?

– Угу, – хмыкнул Джон, окинув взглядом пустые полки. Пустой стакан, который ловкие руки бармена, казалось, сотворили из воздуха, наполнился виски. Джон осушил стакан в два глотка, жестом попросил добавки.

– Что-то стряслось? – с долей волнения спросил бармен, доливая гостю.

– Да, кое-что, – задумчиво протянул Джон, катая выпивку по стенкам стакана и пытаясь остановить мысли, ползшие в Фалезский мешок.

– Не тяни, говори как есть, – старик внимательно посмотрел на гостя, пытаясь предугадать его ответ.

– Грядёт война, Иоганн, – сказал он, глядя бармену прямо в глаза: – Поляки перешли границу.

Иоганн отступил на пару шагов и прислонился к пустым полкам. Его глаза, смотревшие куда-то вдаль, излучали некое отрешённое спокойствие. Достав из кармана мятую пачку, он выудил из неё дешёвую сигарету.

– Забавно, – задумчиво произнёс Иоганн. Казалось, что он силился что-то вспомнить, но мысль ускользала от него в самый последний момент: – Не думал, что доживу до ещё одной войны.

– Никто не думал, – ответил он, протягивая зажигалку.

– Ведь все так хорошо начиналось, да? – горько усмехнулся Иоганн, потягивая сигарету: – Казалось, что после той бойни никто не будет больше опрометчиво бряцать оружием. Конфликт сорок восьмого стал первой трещиной в этом убеждении.

– Люди не меняются, – с горечью в голосе ответил Джон: – Солдаты продолжают погибать, пока их начальники отсиживаются в штабе, разрабатывая очередной гениальный план.

Его рассуждение прервал человек, закончивший петь:

– Ладно, парни, вы отличная публика, но мне нужно хотя бы промочить горло, – Фигура сошла со сцены и направилась напрямик к барной стойке. Не доходя нескольких шагов до неё, он признал гостя:

– А, капитан, а я тебя и не заметил. Решили всё же заглянуть на огонёк? – спросил подошедший лейтенант Гэммон. Свет ближайшей лампы явственно обозначил шрамы, полученные при рождении: – Иоганн, плеснёшь ещё стакан?

Бармен с отрешённым видом наполнил стакан почти до краёв. Как только половина содержимого стакана ухнула в пищевод, лейтенант мечтательно улыбнулся и взглянул на капитана:

– Ну, Джон, что-то стряслось? – спросил он, глядя на задумчивое лицо капитана.

– Кажется, наш отъезд откладывается, Альберт, – ответил Джон, глядя на проявляющиеся смятение в лице лейтенанта.

– В каком смысле?

– В том, что у нас появилась работёнка, – капитан отхлебнул из стакана: – Война началась, лейтенант.

Альберт на секунду потупил взгляд, после чего махом выпил остатки виски. Оглядев присутствующих – болтающих и смеющихся, ожидающих следующей песни, он спросил:

– Как действуем дальше?

– Скоро подъедет грузовик и заберёт нас на базу. Дальше всё будет зависеть от Главного штаба. Скорее всего, опять придётся браться за грязную работу, – капитан встал, и на секунду задумался: – Встретить грузовик. Я сам им скажу.

Лейтенант украдкой выдохнул от облегчения, после чего направился к двери. Капитан, кинув окурок в пепельницу, достал все деньги из потёртого кошелька и положил их на стойку:

– Налей всем по стакану. Им нужно будет где-нибудь потопить этот камень.

Взяв стакан, он вышел из-за стойки и, подойдя к ближайшему столу, за которым расположились рядовые первого класса Голдман, Николсон и сержант Томпсон. Он слегка наклонился и прошептал:

– Парни, сделайте одолжение, разнесите выпивку. Про

второй ярус не забудьте. И без лишнего шума.

Посмотрев на капитана свойственным «бастардам» потухшим взглядом, они медленно встали и двинулись к Иоганну. Бейкер же, маневрируя между столами, двинулся к импровизированной сцене. То и дело с разных сторон доносились приветствия, рядовые непринуждённо «kozyряли» капитану. Отвечая им всем вымученной улыбкой, он поднялся на небольшой помост, и оглянул зал. Выждав, когда сержант и рядовые покончили с разносом выпивки, он обратился к роте:

– Я чувствую себя как та ещё сволочь, за то, что рушу вам этот вечер, но я обязан это сделать, – Джон глубоко вздохнул, и, собравшись с силами, сказал: – Поляки перешли границу. Война началась.

Звонящая тишина накрыла помещение. У каждого в глазах были видны, объятые пламенем, Гуадалканал, Эйндховен, Осака. Во всех взглядах читалось нечто общее. Что-то, что можно назвать смесью отрешённости и обречённости. Капитан испытывал то же самое, поэтому подняв бокал, громко произнёс:

– За павших!

– За павших!!! – подхватил зал и в едином порыве осушил стаканы.

Наперегонки

1. На своих местах

Вечер 4 мая.

Одним свежим майским вечером по старым улочкам пригорода Лейпцига грохотал горчично-желтый, словно сошедший с кадров кинохроники, автомобиль. Он остановился у самого входа в универмаг, где стоял еще один такой же, только с радиостанцией. Рядом стояли такие же, побитые временем фронтовые кубельвагены и мерседесы. Из услужливо открытой двери вышел генерал-полковник Максимилиан фон Рихтер, недавно получивший повышение. В глазах приветствовавших его офицеров читалась готовность к уютным переходам вперемешку с безразличием.

Итак, вернемся к свежему майскому вечеру. Невдалеке качалась старая яблоня, часы на ратуше отбили свои удары. Тихая, мирная жизнь, так можно и забыть о войне. Но нет... война на все наложит свою печать. Люди оделись сплошь в серое, и уже не встретишь досужих гуляк утром в кофейне. В окнах светомаскировка, над городом иногда проносятся лучи прожекторов, изредка воеет сирена.

Перед приемной вытянулся новенький адъютант.

– Рад встрече г-господин генерал.

Рихтер улыбнулся в ответ, лениво козырнул: – Добрый вечер лейтенант. Вы, стало быть, приписаны к моей персоне?

– Так точно!

– Представьтесь, в таком случае.

– Курт Мёртенс. – лейтенант щелкнул сапогами.

– Ну что ж, Курт. Первый приказ – отставить меня бояться! Меня кто-нибудь ожидает?

Лейтенант прокашлялся – Полковник Штрахвиц.

Лейтенанта Вермахта Иоганна Штрахвица он помнил еще по Западному Валу. Тогда, в 613 запасный батальон фронтовой связи прислали пополнение – и среди них этот прожжённый фронтовой офицер (странно только, что капитан, в его-то годы... кажется). А после событий в Нормандии Иоганн отлично зарекомендовал себя, был награжден за храбрость и отправлялся в отпуск в Париж.

И так уж сложилось, что капитана (да-да, всё-таки капитана) застали за знакомством с штурмбаннфюрером из местного отделения гестапо, а уж после всплыли факты и свидетельства, подтвердившие участие капитана Вермахта в жестоких расправах против парижан. За что нашего нового знакомого должны были подвергнуть трибуналу, если бы не заступничество генерала...

Дверь открылась. Рихтер хлопнул руками, и протянул ладонь:

– А! Какая встреча! Рад вас видеть в моем штабе. Вы уже приняли дела у вашего предшественника?

Штрахвиц козырнул, после чего пожал руку Максу:

– Добрый вечер. Да. Как видите, процесс идет. Но не могу понять, зачем меня отправили к вам.

– По очень значительному делу. Мне нужен помощник для проведения наших больших маневров. Это передовой военный опыт!

Штрахвиц усмехнулся. Он-то слышал, как Макс воевал в прошлую кампанию...

– В этих маневрах участвуют и американцы и англичане, и мы отладим правила будущей игры. Заодно немного поиграем и с нашими соседями. Если всё пройдет удачно, вы получите назначение в Академию, выйдете через годик с золотыми листьями, вместо ваших катушек. Что еще нужно такому военному как вам...

– Только мирное небо над головой.

Рихтер скупно улыбнулся:

– А, вы уже изучили бумаги... тогда нет смысла вас обнадёживать. Давайте готовиться согласно плану. Как там проживают наши визави?

– Имеете в виду Отдельную танковую бригаду?

– Именно!

– Мирно. Они еще не подозревают о произошедшем.

Боевое охранение выставлено высоте 140 и сосредоточено в квадрате Танго-Фокстрот 39. Мы подготовили оборону в два эшелона вокруг города, на случай контратаки противника.

– Неплохо! Что там с дном реки? Все еще танкопроходимо?

– Мы уже работаем над этим. С нами на связи морские минные авиазаградители.

– Славно. Спросите в приемной пару чашек, мы с вами кофе выпьем, мне жена передала термос в дорогу. – Рихтер набросил на стул китель – Не забудьте, у нас еще полно работы! Никто не может знать, что могут учудить наши соседи. И, зачеркните на календаре 4 мая.

2. Тяжелая работа

5 мая, 03:15

Рихтера оторвали от чуткого, прерывистого сна криками «Атака, атака!» и воем сирен. Его будто сорвало с кровати, и он подбежал к окну. Во дворе суетились зенитчики, разворачивая стволы орудий к звёздам. Небо покрылось разрывами, рыжими стежками очередей и столпами света от прожекторов. Ночь заполонил грохот воздушной атаки, за которым Рихтер не услышал того, что дверь открыл адъютант. Тот неожиданно окрикнул, отчего Макс вздрогнул:

- Господин генерал! Прячьтесь!
- Отставить панику, Курт! Несгораемый шкаф заперли?
- Так точно, всё по инструкции.
- Молодец, что не растерялся, теперь беги в подвал.

Адъютант козырнул и убежал. «Видимо под бомбежкой никогда не был. Ну ничего, это ему уроком выйдет» – подумал Рихтер, прихватывая из сейфа какую-то папку. После чего запер его, сунул ключ в карман, и, заперев дверь, вышел. Спешно спустился в подвал, где уже сидел весь коллектив штаба, молча обменялся рукопожатием со Штрахвицем, и сел в уголке, погруженный в чтение той папки.

Штаб Рихтера ожидал реакции на многочисленные про-

вокации, но явно не такой быстрой. Впрочем, старый лис не был бы самим собой, если бы оставил столь тяжёлый аргумент как танковую бригаду армии противника без внимания.

Ночью эскадрилья минных заградителей из Ростка с воздуха заминировала устье Эльбы и танки, шедшие по дну, подрывались. Далее их встретили огнем противотанковых орудий. Во второй волне передовые части противника навели мосты в 4-х местах, оборона уже дала слабинку, вражеские легкие танки высадились на обратном берегу и через подлесок атаковали с тыла батарею ПТ-орудий. В лесу их встретил дозор лейтенанта Шнайдера, который доложил о приближении легких сил противника. Их взвод уходит вглубь собственной обороны, попутно пытаясь заманить врага на позиции ПТ-орудий, но все безуспешно. В штабе генерала Рихтера без устали стучали телеграфы, генерал отдавал приказ за приказом, параллельно двигая фишки на столе и ворча себе под нос. Властным и недовольным окриком вызвал к себе Мёртенса:

– Адъютанта сюда!

Розовощекий, запыхавшийся, волнующийся лейтенант, слегка заикаясь от переживаний, щелкнул каблуками и выпалил:

– З-здесь, г-господин генерал!

– Штрахвица ко мне, срочно!

– Р-разрешите и-исполнять?

– Живее!

Вошел и сам Штрахвиц. На его лице было написано: «Оторвал от работы старый черт».

– И как вам это нравится, полковник?! Мы проводим учения, а они отвечают серьёзным контрнаступлением, – Здание сильно трянуло, и со стола Рихтера упала трубка. Он нагнулся, чтобы ее поднять, протёр её и протянул:

– М-м-да, – он снова взглянул на Штрахвица: – Доложите последние известия с передовой.

– Так точно. Наступление противника развивается согласно канонам советской военной науки. Наши позиции накрывает огневой вал, после чего ползут танки. Противник несет потери больше наших, но упрямо продавливает оборону. Какие будут распоряжения?

Рихтер отряхнул колени, после чего приказал: – Пройдите в отдел связи и свяжитесь с союзниками, – На стук в кабинет он отреагировал недовольным окриком: – Да, кто еще, чёрт вас дерит, лезет в мой кабинет!

После чего раздался гул близких разрывов, а через мгновение вошел Курт, но уже мертвенно-бледный:

– Что стряслось, лейтенант?

– Д-д-докладываю, связи больше нет. Обрыв на линии.

– Штрахвиц, дойдите до машины. Возьмите радиста и запросите помощи и артиллерийский удар, после чего возвращайтесь как можно скорее. И чтоб еще раз мне пришлось вас искать... Не дай бог!

Макс встал из-за кресла и медленно подошёл к карте.

Кабинет гулко откликнулся далёкой канонаде, и генерал не слышал собственных шагов.

– И что поменялось? – заговорил он сам с собой: – Вот карта. Вот я. Там противники, – палец шарахнул по фишке с надписью «HQ»: – Да чёрта с два! Я не знаю где они, могу только догадываться. Взять, например вот этих, сто семьдесят второй гвардии разведывательный танковый полк. Стояли они в подлеске. А стоят ли они теперь там? А только ли они переправились на наш берег Эльбы?

Он быстро, почти шаркая, прошёл к другому концу стола, где стояла чашка со вчерашним кофе. Там он и остановился.

– Хорошо. А как давно они там стоят? Стоп. Поправка – если они там стоят

И крикнул:

– Курт! За журналом! Быстро!

Властный окрик растворился в сырости и тишине.

– Ясное дело, что его там нет... Дьявол, он же должен был оставаться на своём посту! Или он у радистов? Это конечно прекрасно, но что мне делать? Выглядеть идиотом я не желаю... ну хорошо же!

Он почти подбежал к карте.

– Так. Если бы не этот нарыв, – он ткнул пальцем в «лёгкие танки» что стояли в подлеске: – я бы запросил резерв... И еще чашечку кофе, – чашка чуть не треснула от усилия, с которым Макс её грохнул об карту. На карте остался кружок.

«М-мда... Придётся карту переработать. И куда я попал? Город Йена. Штаб Второй армии, генерал-полковник Брандт. Вот это удача! Нужно его вызвать и запросить резерв. Но с ним я не свяжусь. Мотокурьер? Долго. А Лейпцигская телефонная станция работает? Если да, то я могу в нарушение устава могу запросить Генштаб, прыгнув через голову Брандта... а где телефонная станция?»

На стене висела карта Лейпцига, Макс пробежался глазами по улицам, запоминая маршрут: «По улице Эрхарта, свернуть на Дрезднер-штрассе, мимо площади Иоханнесплац, далее по Гриммайше»

Он накинул китель, запер дверь и полетел вниз по лестнице. Пробежал два этажа, свернул к чёрному ходу и, открыв дверь, оказался на стоянке.

Часовой щёлкнул прикладом, молча приветствуя Рихтера.

– Часовой! Я реквизирую этот автомобиль!

Он промолчал некоторое время, после решил довериться: – Господин генерал, никак невозможно!

– Значит, поедете со мной, я укажу дорогу.

Рядовой, умоляя, сказал: – Запрещено покидать пост!

– Вам и говорить запрещено! А, дьявол, – он нудно, как будто читая с бумажки, произнёс: – по уставу караульной службы, как вышестоящий чин, я снимаю вас с вашего поста, – И ударив по капоту машины, властно выпалил: – Приказываю сесть в этот чёртов автомобиль, рядовой. Вы ведь умеете водить?

Они сели в кабриолет, и поехали к станции. Замелькал старый Лейпциг, с его немолодыми улицами, освеженными, как освежали в старину кровопусканием. Старых зданий было пересчитать по пальцам, но, в чём уж был плюс – так в том, что улицы стали шире, а иные переулки и вовсе исчезли с карты, что висела на стене у Макса. Тут-то он и поймал себя на мысли, что телефонная станция могла быть также перенесена.

– Рядовой, нельзя ли поскорее?! – недовольно буркнул Макс.

– Так точно господин генерал.

И прибавил ходу. Макс мог расслабиться – никто не мог заподозрить его в том, что он бежит из города, и пресса не напишет ничего неприличного. Люди были слишком заняты самыми важными вещами – изъятием наличности из банков и покупкой билетов на Запад. На мелких лавочках уже висели замки – лавочники тоже бежали из города.

Их кабриолет промчался мимо банка «Берлинер», и Макс застал неприятную сцену. Толпа свистела и улюлюкала, когда через неё, в сопровождении двух полицейских шёл управляющий. «Так издеваются только над комендантом сданной крепости» – подумал Макс. «Берлинер» штурмовали вкладчики, стараясь забрать свои деньги, клерки же пытались закрыть кованые ворота с криками «Денег нет», и сами полицейские активно участвовали в этой уличной потасовке.

– Рядовой, чёрт вас дерит, что вы плетётесь!

Рядовой удивленно вскрикнул, перекрикивая ветер: – Но мы начнём нарушать ограничения...

– Так нарушайте же!

Навстречу им ехали грузовики и мотоциклы полиции, очевидно, чтобы официально закрыть банк, и засадить особо недовольных вкладчиков. Мотоцикл, что шёл впереди, взвыл сиреной, и только машина Макса поравнялась с грузовиком колонны, тот воющий мотоцикл погнался за ними.

Рядовой, с лицом пророка, которого никто не услышал, сказал тихо: – Нам нужно остановиться, господин генерал.

И кабриолет, скрипнув тормозами, встал у обочины. Мотоцикл дёргано встал, и сквозь рокот мотора полицейский крикнул:

– Ваши документы.

Макс полез за своей пухлой «солдатской книжкой» и протянул её полицейскому, шепнув своему водителю: – не предъявляйте.

Полицейский пробежался глазами по бесчисленным штампам, внушавшим уважение перед долгой военной карьерой в самых разных местах вот уже четвёртой Германии за эти полвека.

Макс крикнул: – Нам нужно к телефонной станции. Это всё ещё Гриммайше тридцать семь?

– Так точно господин генерал-полковник.

– Отлично. Передайте своему начальству – к городу подходят красные, пусть начинают действия по наведению по-

рядка как в прифронтовой полосе.

– А с гражданскими? – спросил полицейский, протягивая солдатскую книжку обратно.

– Запретите выезд по автобанам. Досматривайте поезда. Ищите дезертиров, шпионов. Живей, рядовой!

И, чувствуя некоторое удовлетворение, он хлопнул пару раз по торпеде, и кабриолет вновь рванул.

Они промчались мимо Лейпцигской оперы, всей в строгих строгих лесах, по которым военные закатывали на крышу зенитные автоматы, а внизу закладывали двери мешками. И они вновь встали, уже у телефонной станции, где стояли еще два часовых.

– Подождите меня в машине, – сказал он солдату, и властно пошёл к дверям станции.

Часовые у дверей сразу встали в ружьё и пропустили Макса внутрь. Телефонная станция была пуста, будто бы из неё выгнали всех для большой уборки. Не было видно клерков за стойками, а целых соображения военной тайны убрали, и скорее всего, сожгли даже каталоги телефонных номеров.

– Есть тут кто живой?

В глубине кто-то зашевелился. Вышел еще один офицер, с чёрными петлицами, встал у стойки.

– В этом городе остался хоть один гражданский? Какое отношение вы имеете к связи? – нервно выпалил Макс.

Офицер щелкнул каблуками: – Подполковник Меллендорф, из вашего штаба. Вы с проверкой?

И открыл дверь внутрь, за стойку, приглашая Макса:

– Все телефонные линии Лейпцига и окрестностей под нашим контролем, господин генерал-полковник. С кем вас соединить?

«Мечтаете выслужиться, подполковник? Много таких...» – Макс непроизвольно дёрнул подбородком, и ответил: – Бросьте вызов на коммутатор правительственной связи.

Офицер щёлкнул парой переключателей, долго разыскивая отверстие с нужным номером.

– Кабинка номер 3, господин генерал.

И скрылся. Макс сел на банкетку и взял телефонную трубку. Глубоко вдохнул, будто перед погружением, и после закрыл стеклянную дверь. Там откликнулась девушка, к голосу которой он давно привык.

«Значит всё в порядке» – пронеслось в его голове

Мягкий голос в трубке. «Двадцать пять, не замужем. Кажется, Магда... или нет» – Диспетчерская.

– Говорит генерал-полковник Максимилиан Август фон Рихтер. Вы меня узнаете?

– Да, господин Рихтер. Куда вас подключить?

– Дайте оперативный отдел Генштаба.

– Сейчас.

В трубке слышались щёлчки, Макс нервно помял воротник рубашке, и перескочил пальцами на Рыцарский крест.

– Приёмная оперативного отдела.

«Глава адъютантуры, подполковник... а неважно» – Говорит Рихтер. Дайте Хойзингера.

– Простите?

– Генерал-лейтенанта Адольфа Хойзингера!

– Он на совещании. Могу дать его заместителя, полковника Худеница.

«Худениц? Не помню такого... может это Лютцен после себя оставил своего протеже» – Перебросьте этот вызов на него.

В трубке опять защёлкало.

– Полковник Отто фон Худениц у аппарата.

«Поскрипывает креслом, дикция скована. Расслаблен, курит, покачивается в кресле» – и резко, чтобы напугать, рявкнул в трубку: – Говорит Рихтер из Третьего корпуса Второй армии. Сообщите данные по резервам армии.

– Секунду, господин генерал – он немного проехал вперёд, к столу – Первая танковая дивизия генерала Эвальда фон Риткеленца, вторая мотопехотная Фридриха Шрёдера.

– Мне подходит. Давайте обе.

Кресло скрипнуло ещё раз.

«Полковник сменил позу... прелесть. Он у меня попляшет»

– Просите, господин генерал? – озадаченно спросил он

– Мой корпус теснят, красные перешли Эльбу. Ваши резервы для меня сейчас ближе, чем свои. Я остался без связи,

положение критическое. Отдайте Брандту приказ от имени своего начальника. И прошу вас, поскорее!

– Вы подталкиваете меня к преступлению, господин Рихтер.

Секундная задержка, после чего Макс взял тон помягче: – Понимаю вас. Тогда дождитесь Хойзингера с совещания. К слову... скажите, у кого он на совещании?

– У канцлера, – с уверенностью ответил Худениц.

«Думал меня запугать, полковник. Не на того напал» – Тон Макса обогатился угрожающим рокотом:

– Если я разгоню к чертям это совещание звонком канцлеру, это будет не так прилично, чем если вы пойдёте, и попросите подписать это распоряжение. Поймите, у меня гибнут люди, и если вы не пошевелитесь – то гибнут зря! Готовы помочь делу победы?

– Вы толкаете на преступление еще и Хойзингера. Вы ведь связываетесь через голову, нарушаете устав.

– Не нарушаю. У меня нет связи с Брандтом. Подкрепления должны идти общим направлением на Лейпциг, и через три часа обязаны прибыть. Не придут – погибнет армия. Придут позднее – погибнут еще и сами, не выручив армию. Дайте слово немецкого офицера!

Полковник тоже сменил тон с решительно-противостоящего, на усталый, как устают от ребёнка, заладившего «купи-купи»: – Я даю вам слово немецкого офицера, что выполню вашу просьбу. Но как вы с ними свяжетесь?

– Дадим контрольную точку. Скажем, каждые пятнадцать минут пусть сообщают нам координаты. Мы вскоре восстановим связь.

– Сделаем, господин генерал.

И положил трубку.

Макс крикнул контрразведчику из своей кабинки:

– Благодарю вас, офицер – и уверенно прошёл к выходу. Рядовой, завидев спокойного Рихтера в дверях, тут же запрыгнул в машину, и, чуть Макс сел, рванул, будто на гонках, к штабу.

«Подкрепления в лучшем случае придут через три часа. Или мы будем разбиты, или всё уже утрясётся без них. То есть, я попусту гоняю танки и жгу топливо. В худшем случае они попадают в западню... а что если красные уже прорвали оборону? Они бьются о второй эшелон? А лёгкие силы противника на нашем берегу могут всю мчаться на Лейпциг...»

Машина резко затормозила, отвлекая Макса от размышлений. Но решение было на поверхности:

– Рядовой. Вам будет очень важное задание. Вы бегом отправитесь в расположение комендантской роты и отдадите им мой приказ – боевая готовность номер один, занять ключевые пункты и оседлать все дороги, ведущие из города. По городскому громкоговорителю и по радио на всех частотах передайте – отъезд из города воспрещен, спустя полчаса после этого сообщения вводится комендантский час до ос-

бого распоряжения. Всем вооруженным горожанам в эти полчаса сойтись к городской ратуше. Награда будет ждать каждого ополченца.

Он браво щёлкнул сапогами.

– Да, постойте. Можете взять себе мотоцикл. Я сам, позже, разберусь, чей. С Богом, рядовой.

И молча прошёл в штаб, свернул к радистам, но у лестницы на второй этаж наткнулся на своего адъютанта.

– Господин генерал, мы вас обыскались.

Он совсем не ожидал его увидеть: – Курт? Я же просил, никаких генералов. Ездил на телефонную станцию, запросил у Генштаба подкрепления для нас, но подойдут только через три часа. Где были вы?

– У радистов. Надеются вскоре восстановить связь.

– И что с ней вообще произошло?

– Здание не было рассчитано на такую мощность аппаратуры, что-то перегорело.

– Что ж. Вам задание. Обойдите все отделы нашего балагана, прикажите вооружаться. Передайте мой приказ – отпирать оружейные. Через десять минут весь персонал штаба должен быть построен на плацу при оружии. Исполняйте.

И прошёл к своему кабинету, отперев своим ключом обитую кожей дверь «Директор».

«Господи. Первый день войны, и зачем я позволил себя спихнуть на этот уровень. Я же не имею опыта полевого взаимодействия. Я в последний раз был в полевых условиях...

боже, это было в шестнадцатом. Я был тогда капитаном. Сейчас я могу представить себя капитаном? Ну хорошо. Что сменилось? Те же винтовки... не те. И пулемётов больше. Остановись, Макс. Ты строишь из себя идиота! Делай, что должно и будет, как следует».

Макс взглянул на часы. До того, как персонал соберётся на плацу, оставалось семь минут. Есть время собраться с мыслями, проверить пистолет и выкурить сигарету. Он прошёл к окну, случайно задел ногой ножку стола и недовольно зашипел. Макс решил переобуться, и теперь захромал к шкафу, где стояли его сверкающие сапоги.

Он хранил их на особый случай, но уж явно не на такой. Макс планировал их обуть на парад, или же пойти в них в театр, что называется, «вспомнить молодость». Но молодость он вспомнит иначе. Фуражку он аккуратно повесил на открытую дверь шкафа, и извлёк сапоги. Критически оглядел и свои брюки навывпуск, решив переодеться.

Спустя пару минут он уже натянул сапоги, прошёлся парочку шагов туда-обратно, чтобы ноги привыкли. Закрыв шкаф обратно, ловя на лету фуражку, и перед зеркалом заломил её на старый манер.

Четыре минуты.

Макс похлопал себя по карманам, и к своему счастью, нашёл пачку сигарет. У него в каждом кителе хранилась пачка сигарет на два случая – угостить солдат, и перед смертью. Там же, в кармане с сигаретами, лежали и грошовые спички

с чёрным орлом.

После, с сигаретой в уголке рта, полез в дальний угол сейфа, за чуть ли не самым главным секретом. Там, в тёмной, пропахшей пылью, глубине, меж страниц томика Толстого, лежала фотография, истрепавшаяся, сломанная в паре мест. С этими трещинами она походила более на полотно времён Возрождения, украденное и скатанное в рулон. Это была старая семейная фотография – задремавший старик в коляске, немолодой отец, в двубортном жилете и с угольно-чёрными усами (он их подкрашивал для импозантности), юнец Макс (еще кадет) и его молодая жена Минерва.

Он сложил её пополам и сунул в нагрудный карман, к сердцу. Он надеялся, что это фото отведёт пули и принесёт победу, как это фото делало вот уже сорок лет кряду. Не будем обвинять нашего старика в сентиментальности

Две минуты.

Сигарета отправилась в чашку, Макс одёрнул китель еще раз, коли помирать, так непременно красивым. Запер кабинет и медленно пошёл вниз, на ходу пряча пенсне в карман.

Офицеры на плацу с оружием уже были построены, держа винтовки у ног. Они обратили внимание на то, что Макс держит речь, слегка щурясь, хоть и солнце было за облаками:

– Господа! На нас лежит ответственная задача – не пустить красных на этот берег Эльбы. Этот город – наш Гибралтар! Мы не можем отдать его, не пролив крови. Офицеры от полковника и выше – отправляйтесь к ратуше. Вы

будете командовать гражданским ополчением. Остальные, не считая радистов – займите ближайшие здания и отстреливайтесь. Ваша задача – прикрыть радистов и наше боевое знамя. Командование священным эскадром вверяю главе оперативного отдела. Не подведите страну.

Макс смолк на секунду, приложил руку к сердцу, и тихо, едва сдерживая скупую слезу сказал:

– И да поможет нам Господь Бог.

Офицеры хором крикнули – С нами Бог!

– За работу, господа. Разойтись!

Тем временем, полковник Штрахвиц вместе со штабным водителем и радистом прыгнули в генеральский внедорожник и помчались на передовую. Через подлесок, где вражеские танки остановились и выставили дозор. Штрахвиц, надев наушники, начал прослушивать эфир. Попалась странная передача:

– Говорит дежурный аэродрома Веймар-Шесть. На связи флайт-капитан Мандрейк из штаба бомбардировочно-штурмовой эскадры Рейнской армии. Просим помощи, атакованы наземными силами неизвестного противника.

– Алло, Мандрейк! Говорит наблюдательный пост ФРГ. Атакованы тем же противником, что и вы! Окажите услугу по дороге!

– Уточните координаты цели.

– Танго-Эхо 36, Танго-Фокстрот 37.

– Принято! Над целью будем через 15 минут. Конец связи.

Макс же стоял на этом импровизированном плацу, наблюдая, преисполненный гордости за этих людей. Они идут защищать этот город, каким бы он ни был. И горожане, плечом к плечу будут его оборонять. Пожалуй, сейчас ему точно не хватает журналистов. Ну ничего, благодарные потомки узнают об этом из мемуаров... если конечно он переживёт этот день.

Подошёл адъютант, и, щёлкнув каблуками, обратился к нему:

– Господин генерал, что мы предпримем?

– Будем ждать. Как насчёт пары чашек кофе? – и, вспомнив, спросил, с юморком: – Вы слышали о русском генерале Кутузове?

– Никак нет.

– Что вы, это же классика. Он был невозмутим перед лицом Бонапарта, сидел на своей высоте и ел курицу. Мы же будем в кабинете. Пойдёмте, – и глянул украдкой на часы.

Они поднялись вновь по этой чёрной лестнице, и прошли, по уже опустевшему вновь универмагу-штабу. Макс вновь отпер дверь, адъютант спросил:

– Подать кофе?

– На себя и меня, две чашки. Если еще остались сливки – подавайте и их.

Адъютант задумался, и будто немного стушевался. Макс

приметил и это:

– Что-то не так, лейтенант?

– Подавать галеты? Из сухого пайка?

– Несите.

И вновь подошёл к карте. Он осознал, как стремительно она становится бесполезна. Теперь на ней верен только ландшафт, и то маловероятно. Но нечто отвлекло его от карты. Это был отвратительный запах, смесь горелого мяса, ткани и топлива. Воображение живо нарисовало сгоревшие танки на ближнем берегу Эльбы. Запах, будто прямо у него на столе идёт сражение. Будто эти пушечки и солдатики – были когда-то живые. И, как бы ни радовал запах вражеского трупа, окно Макс всё же решил прикрыть, после чего закурил.

– Кофе будет готов через пару минут. Да, господин генерал...

– Тоже почували? А теперь садитесь и закуривайте. Прямо здесь.

Адъютант скромно сел с другой стороны стола, сложив руки на коленях.

– У вас нет сигарет?

– Бросил, господин генерал.

– Ну не духи же разбрызгивать в моём кабинете. Может, предпочтёте трубку? К кофе, что может быть очаровательней?

Курт шумно вдохнул через зубы: – Вы дьявол, господин генерал-полковник – И направился к двери.

– Я же просил! Никаких генералов меж нами – крикнул он закрывающейся двери.

Адъютант не стал закрывать за собой дверь, и принёс кофейник:

– Господин... Рихтер. Куда поставить кофейник? – и пробежался по столу сплошь занятому картой.

– А ставьте прямо на карту. Я успел её испортить. Несите сливки и галеты, – и набивая трубки, снова украдкой глянул на часы.

В его воображении на мгновение возникла пыльная дорога и мчащиеся танки, и танкисты, высунувшиеся из люков своих серых боевых машин. Он поймал себя на мысли, что и его воображение отстало от времени, мол, нет сейчас никаких серых угловатых танков. И Макс снова взглянул на часы.

«Это превращается в невроз...» – подумал он, и слегка качнулся на стуле. Он заметил непроизвольно дёргающуюся ногу. Сапоги ловили отблески света из окна за спиной Рихтера, и нога дёргалась так быстро, что и метроном за ней не поспеет. Нога отбивала вполне ощутимый ритм несущегося на всех парах локомотива.

«Это точно невроз. Допью залпом эту чашечку кофе, и буду сидеть с радистами. Или лучше послать адъютанта?»

Он взглянул на Курта, прямого как струна, на которой держится маленький маятник. Этот «маятник» был в состоянии видимого покоя. Никаких лишних колебаний.

Курт поймал на себе взгляд Рихтера:

– Будут приказы, господин генерал?

Макс был выдернут из подсознания, в котором уже стоял грохот телетайпов, едва не вздрогнув, он скупно ответил: – Пейте кофе.

Сам же он отставил чашку в сторону и достал из ящика трубку и кiset.

– Вас угостить? – спросил он, набивая трубку.

– Если вы не изменили вашего приказа...

– Не изменил, – и Макс нагнулся к ящику за второй трубкой. Он протянул её своему адъютанту со словами: – Будь я принципиален в этом вопросе, я бы заставил вас на ней жениться.

– Простите? – Курт спросил, принимая трубку.

– С курением как с... интимными потребностями. В том плане, что... совершенно разная скорость и отдача. Трубка с вами до смерти, её или вашей. Сигарета истлеет за пять минут. Справил нужду и выбросил.

Курт кивнул, украдкой смотря в пепельницу. Окурков там не было, только вытряхнутый табак, не прогоревший и смешанный с пеплом. Но один окурочок болтался в чашке. Он отметил эту занятную деталь, но дальнейшую нить мыслей от себя отогнал. Он принял и кiset от Макса, уже вовсю пылящего прямой и полированной трубкой из тёмного дерева, и стал набивать свою. После чего поднёс зажженную спичку, и стал пытаться раскурить. Но закашлялся, от непривычки к трубке, или же от долгого отказа от курения вообще.

Курт поспешил смыть этот неприятный вкус остывшим кофе, и отложил еще дымящуюся трубку.

– Лучше бы я угостил вас сигаретами.

В кабинет постучались:

– Войдите – властно окрикнул Макс

В дверях, щёлкнул сапогами, показался рядовой в помятой форме и с кожаной папкой под мышкой.

– Что у вас?

– Связь восстановлена, получены данные по свежей диспозиции.

– Прекрасно. Оставьте папку, и передайте, чтобы попробовали связаться с дивизиями армейского резерва. После я попробую связаться с Брандтом. Исполняйте.

Рядовой резко развернулся, и будто механическая игрушка, вышел, отмахивая ногами и руками. Резко встал у двери, снова резко и механично развернулся, закрыл дверь. Но дальше чеканных шагов Макс не слышал, да и не мог – он уже сверлил глазами телеграммы, приклеенные к листу бумаги, и пробормотал – Курт, включите лампу над картой.

Лампы медленно разгорались.

– Подайте стэк... которым двигают фишки. И возьмите себе такой же.

Макс, захлопнул папку, и, протнул её Курту, уверенно прошёл к карте, говоря на ходу:

– Штабы не изменили положения, сорок седьмой танковый наводит переправу, – и Рихтер двинул его ближе к ре-

ке, сто семьдесят второй разведывательный всё еще в квадрате «Танго-Эхо 36». Еще одни, только переправились, скорее всего, моторизованная пехота – «Танго-Фокстрот 37».

Тем временем Курт, медленно передвигал фигуры противников: – Энквист свернулся, и отходит на запад.

– Черти!

– Наша линия выгнулась в квадратах соприкосновения.

– Вижу. А пушки в «Танго-Эхо 36» еще стоят?

– Уничтожены.

Курт снял с карты маленькую пушечку и положил её в коробку.

Макс поставил стек в угол: – Значит, организуем контратаку. Артиллерия отступила, средства ПТО уничтожены. Как вышибить танки?

– Может запросить британцев? – и Курт указал на «зелёный» аэродром.

– Курт, вы когда-нибудь развязывали мировые войны?

– П-простите?

– Вызвав британцев, мы автоматически ввяжем их в эту войну. Пойдёмте к радистам.

Они спустились на первый этаж, и за дверью отдела игрушек нашли радистов.

– Хороши игрушки!

Радисты попытались встать, но Макс попросил их не беспокоиться. Адъютант шепнул на ухо фамилию главы отдела радиосвязи:

– Капитан Левински здесь?

Он уже шёл по коридору – Да, господин генерал-полковник.

Макс протянул руку и тихо сказал: – У нас деликатное дело. Можем пройти в ваш кабинет?

Он встретил это рукопожатие лёгким удивлением, и в ответ щёлкнул сапогами: – Никак невозможно, господин генерал-полковник. Нет кабинета.

– Тогда пройдем в коридор.

Он молча прошёл к двери, и выпустив обоих, прикрыл за собой дверь.

– Левински, нам нужно развязать мировую войну.

– Простите?

– Наши части находятся в крайне затруднительном положении, нам нечем вышибить танки противника. Ближайшая авиационная часть – британская. Мы должны их вызвать

Капитан секунду вспоминал: – Боюсь, это сделали за вас, господин генерал-полковник. Пять минут назад части истребительно-штурмовой эскадры Рейнской армии подняты в воздух по тревоге и двигаются в сторону Линии «Э».

Макс неуверенно переспросил: – Э как Эльба?

– Так точно, господин генерал-полковник.

– Обстоятельства?

– Позвольте показать вам стенограмму? Мы поймали и зафиксировали эту передачу.

– Выполняйте.

Они прошли, Макс с адъютантом остались у двери, Левински хлопнул кого-то по плечу, назвав его Гансом-счастливым. Тот отдал ему блокнотный листок с карандашными записями. После чего капитан быстро, почти бегом, прошёл к Максиму.

– Прошу. Узнаёте частоту отправителя?

«Это мой внедорожник с рацией. Как бы сдержаться и не треснуть себя по лбу... Просто отлично. Теперь я развязал мировую войну. Даже адъютант не пригодился» – думал Рихтер

– Это всегда можно выяснить, – и углубился в чтение стенограммы

«Штрахвиц почти от моего имени объявил войну. Хорошо, что красные сами случайно ударили»

– Левински. Вы сожжёте это.

– Зачем?

– В армии вопросов не задают! – после чего тихо сказал, будто извиняясь: – Поймите, первая жертва войны – это Правда. А теперь в печку. Хотя... я сделаю это сам. Забудьте о существовании этих разговоров.

– Будет сделано, господин генерал, – Левински отсалютовал, и Макс с адъютантом вышли на улицу.

Над их головами пронеслись звеньями самолёты. Макс протянул адъютанту сигарету, и они с удовлетворением закурили.

– Да это же «Тайфуны», британские штурмовики!

– Да, британская пунктуальность... идите в мой кабинет, я пока побуду на свежем воздухе.

И как только Курт скрылся в дверях универмага, Макс швырнул наземь недокуренную сигарету, и зачем-то прикурил свежую:

«Господь милостивый. Пойми – эта война – последняя. Я могу отличиться только здесь. Ну, давай, скажи, что прошлые войны ты провёл так, чтобы быть довольным собой. Забыл, как глушил поражения? И что? Нет-нет. Это должно было быть не так. Меня спасёт только работа».

На улицу выбежал адъютант с телеграфной лентой. Взмокший, в руках фуражка.

– Срочная телеграмма, господин генерал!

Это внезапное появление несколько озадачило Макса: – Так быстро? Что у вас там, Курт?

– Фронт п-п-прорван!

– Отдышитесь и придите в порядок. И бросьте теревить фуражку как нашкодивший ребенок! Обстоятельно доложите о произошедшем.

– Так точно. – Адъютант набрал побольше воздуха в лёгкие, чтобы выпалить – Разрешите доложить?

– Докладывайте.

– Севернее н-наших позиций, в сорока километрах, в-в-войска нашей армии начали контратаку. Части второй моторизованной дивизии продвигаются вглубь обороны п-п-противника. Враг отходит.

Секунда молчания. По высокому лбу Макса пробежали морщины, после чего он спокойно, глядя куда-то на землю, сказал:

– Авиаразведку в воздух. Если Максименко пойдет на помощь, мы должны связывать их боем как можно дольше. Не дай Бог они вырвутся, – после чего он глянул уже в глаза лейтенанту: – Телеграмму во вторую моторизованную – остановитесь и приготовьтесь к обороне.

– Р-разрешите исполнять, господин генерал?

– Стойте. Мой начштаба полковник Штрахвиц уже вернулся?

– Да, уже здесь. Сидит и к-курит на подножке вашего «Хорьха»

– Сюда его, срочно!

«Уж я ему устрою. Болван! У нас и без него полно дел. Он думает, что самый опытный и незаменимый. И приказано было – доложиться по прибытии»

Со спины подошел красный, мокрый от пота Штрахвиц. Рихтер, заслышавший звук шагов, развернулся.

– А, вернулись, наконец. Авантюрист... Хвалу Богу воздайте что живы. Объясните, за каким чертом вы помчались на передовую? Снова по пальбе соскучились? Пороху нюхнуть захотели? По-вашему я вас в штаб зря определил, так?

– Никак нет, господин Рихтер. Обстановка требовала немедленного вмешательства.

– Отставить! Нет таких обстановок, которых нельзя раз-

решить по радио.

Штрахвиц не смог сдержать нервного смеха, однако сквозь улыбку, больше похожую на оскал выдавил: – Как давно ты был на фронте, Макс?

Терпение Рихтера казалось безграничным, однако для приличия всё ж стоило гаркнуть: – Субординацию соблюдай, полковник! В 45-ом под Арденнами меня чуть не взяли в плен из-за того, что был на передовой. На нас вырвался отряд Ходжеса...

Штрахвиц помнил, как Макс был на фронте, под Арденнами. Видел своими глазами, в разведке. Помнил перестук смертных жетонов после той вылазки...

После чего Макс перешел на назидательную интонацию: – Запомните, Иоганн, полководец должен быть вдали. Нельзя предаваться эмоции. Нельзя лезть в горячую схватку. Ты должен сохранить ум, чистый как стекло полевого бинокля – и обнаружил, после своего монолога, что реакция оказалась иной.

Штрахвиц ответил:

– А ты верно не понимаешь, что было там. Не помнишь меня рядом. Как искал фуражку в снегу, которую сбили выстрелом. Как испачкал сиденье машины кровью своего адъютанта, кстати! Зиг хайль, господин генерал! – он щёлкнул каблуками и развернулся.

Невозможно понять, что сильнее задело Рихтера – нацистское приветствие или нотации какого-то полковника, одна-

ко же, он стоял в ярости, призывая последние душевные силы на помощь кончившемуся терпению. В конце концов, он просто перешел на крик, глаза его были выпучены:

– Стоять смир-рно! Неслыханная наглость! Да раньше за такие оскорбления на дуэли шкуры дырявили! – Голос оказался безнадежно сорван, он прокашлялся, после чего говорил с пугающим, ледяным спокойствием и злорадством: – Ну, ничего, ты у меня за это заплатишься... Я перевожу вас в запас как негодного к исполнению обязанностей. Посиди-ка теперь за спинами военной полиции, – После чего приказал Курту, что вышел невольным свидетелем этой сцены: – Караульных ко мне!

Спустя некоторое время Рихтер уже шептался с фельдфебелем. А Штрахвиц стоял темнее тучи, совершенно недоумевая, за что ему эти наказания. Его самого одолевало негодование – он выиграл эту битву в одиночку, если бы не он, сидели бы все сейчас в плену... в лучшем случае. О худшем и говорить не приходится!

– Спровадьте его в город, засадите в публичный дом. Попытается вырваться – сажать в карцер. Ясно? Исполнять!

Фельдфебель щелкнул сапогами.

– Есть!

Адъютант вернулся из импровизированного штаба со свежей, липкой от клея, телеграфной лентой.

– Здесь свежая сводка.

Рихтер упер руки в бока: – Ну, какие новости?

– Передают, что преследование невозможно. Авиаподдержка не отвечает на запросы, противника обнаружить не удастся. Работа некоторых отделов штаба была дезорганизована, но приходит в норму. Через пару часов сможем нормально функционировать. Будут ли какие-нибудь распоряжения?

– Нет, никаких. Хотя постойте... Связь налажена?

– Так точно!

– Пройдемте к связистам, свяжете меня с Берлином. Необходимо доложить в министерство.

3. РЫВОК

5 мая, полдень

Макс вернулся в кабинет, и вновь встал у карты.

«Как стало известно, Вторая моторизованная дивизия генерала Шрёдера оторвалась от меня на сорок километров на северо-запад, то есть...» – он взял со стола циркуль, и, прикинув масштаб, зашагал по Германии. Где-то на двадцать четвёртом шаге, он оказался у конца карты.

«Я даже не знаю, куда ушли резервы, отправленные Генштабом для меня. Брандт не захотел меня спасти, и теперь я должен выручить Шрёдера. Моя дивизия рванёт... куда-то в сторону окна, образуя дыру во фронте, размером со всю карту. Я точно не могу выполнить этот приказ».

Макс сел в кресло, и взяв из пепельницы трубку, стал вычищать её карманным шилом:

«Будем честны, Брандт не способен командовать армией, в отличие от меня. Я должен занять его пост... но что изменится от перестановки мебели? Армия окажется дезорганизованной, мы нарушим управление. А если здесь, в этом здании, окажется штаб армии? Я не смогу связаться ни с Бонном, ни с Варшавой. Брось, придётся переезжать. А чем займётся армия?»

В дверь постучались.

– Да-да? – спросил Макс, как спрашивают кабинетные учёные.

– Прибыл генерал-лейтенант Лютцен.

Макс вскочил, будто под ним закипело масло. «Вот кто мне понадобится» – подумал он и резко, с проснувшейся жизнью в голосе, сказал

– Не томите гостей на пороге. Ставьте кофейник, Лютцена ко мне.

Он встал, держа трубку в руках и, будто медитировал, глядя на стрелки и высоты. В открытую дверь неслышно вошёл Лютцен. Макс дёрнулся, заметив его боковым зрением, и быстро направился к нему с протянутой рукой.

– Фридрих! – тряся его руку, отрывисто произнёс Макс. Он смотрел в ему в глаза, серые, выцветшие и уставшие: – Вы пропустили самое интересное – и торопливо пошёл к карте.

Лютцен шёл следом, на ходу снимая фуражку и приглаживая волосы. Он сказал с нескрываемой завистью: – Признаюсь, давно не видел вам таким живым.

– А вас утомила дорога... ну ничего, это вас растормошит. Сегодня, с трёх и до одиннадцати ноль-ноль по Берлинскому времени противник, – Макс ткнул в красный флажок на карте: – предпринимал попытки по пересечению государственной границы. Как видите, безуспешно и дорого. Они потеряли порядка шестидесяти машин. Наши потери мы еще уточняем.

Челюсть Лютцена медленно поползла вниз: – Простите?

– Уточняем, что скажет пресса. По факту это сорок стволов при пятистах штыках. Но это не самое страшное. Я запросил резервы Первой армии, но Брандт их развернул. Я не знаю, где Первая танковая дивизия, но Шрёдер попал в переплёт. Причём меня уведомили телеграммой в восемь ноль-ноль и приказали помочь. А мне бросать вот это всё на потрёпанного врага.

Фридрих глянул на часы: – Сейчас первый час дня... действительно глупо. Приказ преступен. Что мы предпримем, Макс?

– Вы мой оперативник, и это я вас должен спросить. Пойдите, – Макс оторвал взгляд от пола, и взглянул на Фридриха: – Я не припомню вас вчера! Какого дьявола вы опоздали на сутки?! Мне вклеить выговор? – и тихо про себя добавил: – И кто вообще командовал священным эскадром?

Он тяжело вздохнул: – Прошу, Макс, пойми. Семейная причина. В семействе Лютценов прибавление.

– Вы стали отцом? В ваши пятьдесят семь?

По уставшему лицу проскочила искра улыбки: – Дедушкой. Карл-Густав фон Лютцен унд цу Таксис, пятый граф Лютцен, и седьмой князь Таксис.

Улыбнулся и Макс, и голосом, преисполненным благоговения перед этой родословной, сказал: – Бог с ним, опозданием. Бренди?

Он отмахнулся: – Не стоит, право.

– Ну конечно, куда вам пить со мной. Я даже не графского достоинства, и сын на княжне не женат, – подзуживал Макс.

– Господь с вами... но может шнапс?

– Шнапса нет, но жена дала в дорогу немного бренди, – и крикнул за дверь: – Курт! Скоро ли...

И лейтенант появился в дверях с кофейником.

– Знакомьтесь, – сказал он Фридриху: – перед вами второй человек в армии. Если его нет, я без рук и ног. Курт Мертенс.

После он обернулся к адъютанту: – А перед вами мой оперативник, Фридрих фон Лютцен, третий граф Лютцен. И всякий раз, когда вы его видите, ваша рука должна быть уже на кофейнике. Он настоящий пожиратель моего времени. Разлейте кофе по чашкам, и себе в том числе. И второе – вы выпьете с нами бренди.

С чем нагнулся к ящику стола, достал маленькую плоскую фляжку и скрутил крышку. По кабинету пополз терпкий запах, превращавший прокуренный кабинет в некое подобие бара.

– За Карла-Густава фон Лютцена, продолжателя династии фон Лютценов и настоящего защитника нашего единого Отечества. Прозит! – приложился к фляжке. После чего передал фляжку адъютанту со словами:

– Пожелайте что-нибудь новорожденному.

Лейтенант стушевался: – Что ж... В моей местности новорожденным обычно дарят игрушку, первую и на всю жизнь. Но у него похоже с этим всё в порядке. Давайте пожелаем

ему радовать своих родителей и даже больше... может он, когда-нибудь обрадует весь мир. Прозит!

Курт выпил и протянул фляжку генералу Лютцену:

– Спасибо, спасибо, господа. Я хочу пожелать моему внуку найти своё занятие в жизни по своему доброму сердцу – он опустил глаза в пол и тихо сказал: – И никогда не нюхать пороху. Прозит!

Макс, услышав такое пожелание, почувствовал явный укол в свою сторону.

«Хорошо же пожелание, от дедушки-генерала... или он стыдится своих погон?»

– Молодости, – сказал Фридрих

– Что?

– Вы сказали вслух....

Макс громко треснул себя по лбу. Лютцен продолжал, мрачный, как туча:

– Моё пожелание вас не устраивает. Своих погон я не стыжусь, но Великую войну постоянно пытаюсь забыть. И это не то, что я могу желать своему внуку. И сын мой, слава Богу, не убивал. Ваше пожелание не устраивает меня.

– А я так надеялся стать крестным отцом вашего внука, – неловко попытался иронизировать Рихтер. Промолчав с секунду, он начал распоряжаться, как ни в чём не бывало:

– Ну, теперь господа, за работу. Курт – за бумагой. Нужно очень много бумаги. А мы с вами попробуем перестроить наш план. Видите ли, в чём дело... я подам документы в три-

бунал на Брандта, и он улетит к чертям. Вы станете главой оперативного отдела армии. Я – командующим. Новых лиц не прибавится, я сошлю с ним всю его команду. Вообразите себе коллапс командования в рамках армии. Это грозит поражением.

– А вы претендуете на спасение армии от поражения.

– В отличие от Брандта. Поймите, мы доверили исполнять мой план не тому человеку. Я знаю, что нужно сделать, с минимальными потерями. Вы увидели, что делает Брандт. Дивизию – к чёртовой матери. Вот что, граф. Мы пойдём наверх.

– Я и там буду держать вас за хлястик.

Снова вошёл адъютант, с кипой бумаг. Он бросил бумаги на стул в углу и начал разливать кофе. Макс же излагал соображения:

– Первое. Предлагаю реорганизовать эту армию. Вместо трёх корпусов – два, а мобильные силы – в отдельную оперативную группу. Надеюсь, вы понимаете замысел...

– Хорошая идея, если найдёте столько генералов в стране...

– Бросьте. Есть у меня один генерал-полковник на примете, вот-вот командования армией лишится. А второго пусть пришлют из главного кадрового управления. Так мы сгладим кризис, завязанный на отставке Брандта. Наши силы станут самостоятельнее и в стратегическом плане тоже. Курт, вы зафиксировали?

Тем временем Штрахвица везли в Старый город на кабриолете. Охрана не могла понять – как же выполнить странный приказ Рихтера. Не спрашивать же, в самом-то деле, у местных, где тут публичный дом. Во время войны за такое и побить могут, невзирая на погоны.

– А может его в «Де Вилль» сдадим? Не публичный дом, но отель, – спросил ефрейтор из военной полиции у своего коллеги.

– Сдадим, а потом? Сколько нам его тут стеречь? До победы?

– Одно слово – мыслитель! Изобрёл кару... верно я говорю, господин полковник? – обратился тот к Штрахвицу.

Иоганн ухмыльнулся, но промолчал.

– Ещё бы! По холодку катают, подбирая ему развлечение по приказу генерала. Всех бы так наказывали. И если не секрет, господин полковник, за что вас так?

– За спасение Лейпцига. Макс был жутко недоволен, топал на меня ножками. Он же всё думает, как войну по науке просрать.

Охрана загоготала, даже водитель, что был в стороне от всего, не удержал руля. Кабриолет дёрнуло. Штрахвиц окрикнул водителя.

– Ну ты! Машину держи, а то примут нас! И радио включи, а то едем как на похороны. Кутить едем!

Водитель повиновался. По вечернему городу вслед за рё-

вом трёхлитрового движка полетел шлейфом свинг. Мчались мимо закрытых магазинов, занавешенных слепых окон, будто возвращая голодные и весёлые двадцатые.

– Отель «Де Вилль», господа – крикнул шофёр и выжал тормоза.

Отель пустовал. На стоянке ни одной машины, и даже убрали коврик.

– И даже выглядит как тюрьма, – проворчал Штрахвиц, выходя из машины. Ефрейтор протянул руку, мол, чтобы не забывал, что он тут под охраной. Но Иоганн тихо ругнулся.

– Да пусти ты. На кой мне бежать.

И полевой жандарм тихо оправдывался.

– Служба такая...

– Пойдём, «служба», – и пошёл к дверям. Он их властно дёрнул и прошёл вглубь.

Их встретило помещение, освещаемое парой керосиновых ламп. Сложив голову на стойку, дремал клерк.

– Управляющий! – окрикнул его Иоганн.

Тот встрепенулся, торопливо заговорив: – А, что уже приехали? Я тотчас же распоряжусь.

– Ошибочка вышла, старина. Ошибка. Успокойтесь. Эти господа доставили меня сюда под конвоем, и я их заключенный.

– Боже, я уж думал, что это с грузовиком. Мы эвакуируемся – после, клерк взгляделся в стоящего перед ним Штрах-

вица.

Иоганн смерил его взглядом, каким смотрят врачи на помешанных, после тихо сказал:

– Подайте номер. Люкс.

Клерк отходил от шока, и промямлил, глядя в книгу: – Второй этаж устроит?

– Устроит.

Ефрейтор окрикнул: – Господин полковник!

Штрахвиц спокойным голосом сказал: – Отставить. Сегодня я заключенный, а завтра вы. Так что давайте без глупостей.

После чего обернулся к управляющему – Ужин на три персоны и коньяк.

– Я вызову портье.

– А счёт пришлите заднице генерала Рихтера.

– Это за счёт заведения, господин полковник.

И с чувством свершаемой магии брякнул по настольному звонку.

Штрахвиц снова обернулся к своему конвою: – Могу я отдохнуть после того, что я сегодня сделал? Правильно... могу.

Вышел, шаркая по полу и вымотанный старик, державшийся на ногах лишь благодаря кофе. В его руке был огарок свечи. Клерк распорядился.

– Ганс. Сопроводите гостей в седьмой номер.

Ганс, пялясь куда-то в пол, прохрипел: – Багаж?

Штрахвиц слегка улыбнулся, увидев этот живой труп: –

У нас ничего нет. Пойдёмте в номер.

Клерк позвонил ключами в воздухе и старик, проходя мимо, вытянул руку, не обернув головы. Только прохрипел в пол:

– Прошу, господа.

Они поднялись по скрипучим лестницам к номеру, портье отпер ключом дверь и пригласил их со словами – свет отключили. Подать свечей?

– М-мда, пожалуй. Горячую воду тоже отключили?

– Нас оставили без газа. Осталась только холодная вода.

Пока что.

– И коньяк – усмехнулся Штрахвиц.

– Совершенно верно. Я сейчас подам вам свечей.

Штрахвиц остановил его, тронув за плечо:

– Вот что старик. Возьми моего рядового, сопроводи до кладовой, да ложись спать. Мы уж сами, – и скомандовал рядовому: – Не спать! Живо за ним.

Через некоторое время явился тот рядовой, со свечами в кармане и свёртком в руках:

– Он передал нам бифштексов, хлеба и коньяк.

– Достойный отдых. А для вас это как детское развлечение... с тобой, рядовой, всё понятно. Вот для тебя, ефрейтор, это какая война по счёту?

Ефрейтор с достоинством ответил: – Вторая, господин полковник.

– И всего ефрейтор?

– Ну... та война была всего три недели. Так, пешее путешествие.

Штрахвиц глянул на зажженную свечу и тихо сказал: – Это правда. А за меня моя грудь говорит. Последняя такая посиделка у меня была во Франции в сорок четвёртом, но американцы её испортили. Как сейчас помню, за неделю до знакомства с Максом. Он тогда был еще генерал-лейтенантом.

– Он был во Франции?

– Он был повсюду. Не человек, а атлас «Мишлен». От Китая до Испании. Если скажет, что его «по делу» заносило на Северный полюс, я поверю.

– Если позволите, господин полковник.

– Да?

– Он совершенно не похож на человека, объехавшего весь свет.

– Верно... подморозило его. Я и сам его не узнал. Давайте, что ли, по коньяку?

Бутылка подплыла к Штрахвицу.

– Ну, за товарищей, что у нас были, – и приложился к коньяку. После слегка закашлялся и утёр ладонью рот: – Дрянной... лучше б водки.

Бутылка описала круг, но к бифштексам никто не притронулся. Иоганн оглядел солдат и спросил:

– Команда что ли нужна? Налетайте, пока есть.

Они нерешительно потянулись к хлебу:

– Ну, солдаты пошли. Им еду – а они смотрят. От домашней стряпни не отвыкли?

Они промолчали. Иоганн понял, что было не так, и сам соорудил себе бутерброд. Откусил с аппетитом – ему сегодня не довелось перекусить ни разу, да и запах бифштекса, не иначе, чем полуденного, манил. Снедь растворилась, оставив только крошки и поблёскивающий жир на пальцах, так жадно он её поглотил. И его охрана тоже оживилась, взявшись за бутерброды.

– Ну, какую байку вам рассказать на сон? Баек у меня много...

– А расскажите еще о нашем генерале, – попросил рядовой.

– Можно. Я с ним времени провёл... ну год на войне, уж точно. Признаться, я ему благодарен. Работой, какой-никакой после войны обеспечил. Не забывает, слал рождественские открытки. С Максом у меня много историй связано, – он замолчал, подбирая подходящую.

– Да вот хотя бы, например про то как я ему жизнь спас. Это было во время Декабрьского наступления в Арденнах. Я был майором при штабе шестьдесят шестого армейского корпуса Пятой танковой армии. Как-нибудь расспросите товарищей про Пятую Танковую – у тех баек про Арденны будет побогаче. Он же приехал с инспекцией от Генштаба – и тут штабной автобус командующего корпусом попадает под раздачу – командующий контужен, оперативник убит.

Ну, про карты я не говорю – они сгорели, как и шифровальная техника.

– И он принял командование корпусом?

– Ну, пришлось. Он как всегда собрал совещание. Макс вообще ничего не решает без совещания. И пусть на том совещании он говорил один – важно чтобы оно состоялось. И он излагает перед нами задачу – пойдём от Прюма на Сен-Вит. Там под горочку, не споткнётесь. Поддержим наступление Пятой танковой армии, а она шла на Бастонь. Беда в другом – мы не знали, выдвинулись ли основные силы генерала Мантойфеля, и если да, то, как далеко они зашли. Загадка, верно?

Солдаты кивнули головой, и Штрахвиц продолжал:

– И что предпринял этот старый дурак? Верно, он взял меня, своего адъютанта, еще пару моих ребят – а я тогда разведчасти корпуса принял – и мы поехали вчетвером, разглядеть местность впереди. Верите – нет ли, но Максиму просто не терпелось отправиться в эту поездку. Итог – мы наткнулись на десяток американцев. Я предлагал обойти их – ну кто, скажите, мне на милость, устраивает пальбу в лесу зимой – а он упёрся. Нет, мы должны их перебить... ну вы понимаете мышление наших штабистов.

Ефрейтор улыбнулся и проронил: – Верно, никто не хочет видеть в тылу американцев.

– Вот-вот. Палили минут двадцать с небольшим, начали отходить к машине, а они нас обходят. Нас, как оказалось

окружала разведка генерала Ходжеса, ему стало дико любопытно, что же там произойдёт, в полосе нашего корпуса. Последствия забавны – мы насилу вырвались, причём мне это стоило жизни одного разведчика, а Макс – клока седых волос и адъютанта. На нашу пальбу навстречу нам вышли авангардные части корпуса, и заварушка затянулась на день или два. Макс, как вернулся, попросил меня достать снотворного и отдал последнее распоряжение по корпусу – стоять на месте. Он продрых сутки, генерал фон Мантойфель оторвался от нас на сотню километров, окружил Бастонь и был там разбит. А что до Макса – так за ним прислали самолёт, его спящего отправили, будто бандероль, в Берлин. Так наш Рихтер прогадил сражение под Бастонью своей волей. И с тех пор он носа в поле не показывал.

Ефрейтор ухмыльнулся, по лицу пробежала тень от свечи. Рядовой попросил:

– А расскажите еще что-нибудь?

– Ну, похвастаюсь. Я тоже много где побывал. Служил я капитаном-связистом при штабе Седьмой танковой дивизии. Знаете, что-нибудь о дивизии-призраке?

– Роммелевской?

– Верно. Она скиталась по Франции так, что никто, даже Верховное командование Вермахта, не знало, где мы будем через час. Я обыкновенно на двадцатиминутном перерыве стучал, какой городишко мы взяли, и на какой дороге стоим. Так мы в четыре дня взяли в полукольцо Дюнкерк и я это

зрелище видел. Но сразу после победы Роммель умудрился рассориться с «мафией баронов», как он это называл. Знаете таких?

Рядовой удивленно спросил: – Нет. А кто это?

– А наш канцлер? Фон Рундштедт? А когда-то его коллега, фон Бок? А еще один «французский барон» фон Клюге? Ну и так далее.

Штрахвиц поймал себя на том, что его конвой удивленно на него пялится:

– Да вы совсем расклада не знаете. Так слушайте. Тогда, вокруг Гитлера сложились два круга военных – это новые и старые. Старых я назвал – это «мафия баронов», под руководством настоящих прусских вояк. Но там особняком стоял Вальтер фон Рейхенау, убежденный нацист, всю жизнь изображал из себя народного генерала. И честно, его странная смерть меня смущает.

– А новые военные – это Гудериан и Роммель?

– Нет, эти товарищи были нейтральны. Но к Гудериану поставили фон Швеппенбурга, так что он к «мафии» ближе. Новых генералов Гитлер лепил из рядов СС. Их условный предводитель – Иозеф Дитрих. Лыстецы прозвали его «Отмычкой», но он тот еще мясник. По его первой профессии.

– И сейчас Германия в руках «мафии баронов»?

Иоганн задумался, после тихо ответил: – Сдаётся мне, что ты прав. И Макс, как вы догадались, тоже человек из этой «мафии». Но неполноправный, как ему кажется. Важный,

влиятельный и неполноценный. А, ну его к дьяволу. Я ж вам про Африку хотел рассказать.

Он задумался, глядя куда-то в тёмный угол комнаты.

– История загадочная, странная. Было это у городка Мерса-Матрух, что в ста с небольшим километрах от Александрии. Я – капитан. Хотя, если не врать – уже капитан. Я во Франции, в сороковом в историю влип – и меня понизили. Ну это физика, а сейчас начнётся лирика. Вечером к нашей дивизии подошёл караван. Настоящий, с верблюдами, с этими... бедуинами. Дали залп и крикнули – спешитесь! А они едут. Немецкого, они ясное дело, не знают. Кто-то по-английски скомандовал – дизмаунт. И они послушались. Ведём в штабную палатку, к генералу Арниму. Вот, господин генерал, к вам делегация штатских. Мне же приказывают, связаться с авангардом – с 67-ым мотоциклетным, видели ли они караван, или что-то похожее. А пока бедуины, ни у кого не спросив, поставил свои шатры рядом с нашими. А они цветастые, что лоскутные одеяла. Шатёр самого главного был расшит голубыми звёздами. Я, когда это увидел, подумал, что там гадатель.

– А вас не демаскировали.

– А я сейчас расскажу. Через полчаса мотоциклисты отвечают – никакого каравана никто не видел. А на дворе ночь. Эти сволочи развели костры, а мы же прятались как могли. Маскировка – к чертям. Что выдумал Арним – он приказал часть палаток отвести подальше, самую большую оставить

пустой рядом, и к ней еще палаток пришить – чтобы это было похоже на походный дворец. Отыскать знатока английского, и пойти к ним с ответной делегацией. Ну, сказано-сделано. Только вот было бы очень неловко, если бы по нам и по нашим гостям англичане открыли огонь.

Ефрейтор заёрзал, проронив: – Испортили бы кофе.

– Вот-вот. Поэтому, пока командование заговаривает зубы бедуинскому вождю, наши основные силы отходят, мотоциклисты едут к англичанам, передать что у нас перемирие и ярмарка. Но на эти две ночи. Англичане согласились, и натурально, как в соседнюю деревню приехали. Командование англичан стрельнуло где-то «Роллс-Ройс», так что дело приобретает дипломатический оборот. Начинается торг, что мы делаем с бедуинами. Свидетелем этого торга я не видел, но после произошло странное. Следующим вечером мы устроили братский прощальный ужин и футбол. Англичане ушли, и через мотоциклистов не проходили. То ли умерли, то ли заплутали. «Роллс-Ройс» потом нашли в пустыне, но без людей. Бедуины до позиций другого подразделения не дошли. И их трупов тоже никто не нашёл. Будто и не было никогда бедуинов.

– А может это была хитрая разведка? Ну, голубой шатёр в пустыне был бы очень хорошо заметен.

– Знаете... я тоже так иногда думаю. Но мистика интереснее. Мол, забрало всех море песка. Ладно, господа. Определитесь там, кто меня сторожит, а кто спит неподалёку. До-

ложите Максу, что мы в отеле Де Виль и ждите распоряжений. А я – отсыпаться.

В кабинете висело молчание, не тревожное, но вынужденное. Это было не молчание карцера – но мастерской, где создают шедевры. Кабинет директора универмага, где Макс разместил свой кабинет, намертво пропах табаком, и если бы кто-то решил пускать кольца из дыма, то можно было бы слепить к нему и мяч из того же дыма.

– А может, откроем окно? – спросил Лютцен, скручивая себе сигарету.

Макс медленно, будто бы он под прицелом, приложил палец к губам. Глядя на свой участок фронта, он смотрел уже глубже. В голове он построил другую карту – всей Восточной Европы. В его голове шёл горячий спор с самим собой.

Мы держимся изначального плана? – спросил он сам себя в своей голове, слегка подражая голосу Лютцена: – Если это так, то план слишком размеренный. Это прогулочный план для старомодной войны. А действовать нужно быстро. Промедление опасно.

– Это политический вопрос, – ответил он сам себе, поймав себя на мысли, что у него немеют ноги: – Быстрый удар может негативно повлиять. Если мы сделаем это быстро, нас после сочтут агрессором.

– Если бы это было не так...

– Важно, как оно выглядит.

– Перестаньте думать о своём имидже в учебнике истории!

Макса тронули за плечо:

– Господин Рихтер, с вами всё в порядке? Вы застонали – спросил его адъютант.

– А это похоже, на то, что всё в порядке? Да, Фридрих. Открывайте окно. Шарик за ролики заезжает.

Фридрих направился к окну: – Давно бы так.

Молчание висело еще с полминуты. Лютцен не выдержал.

– Макс! Скажите хоть что-нибудь по делу. У меня складывается плохое впечатление.

– Да. Знаете, мы будем держаться старого плана.

– Вот как – слегка повысил голос Лютцен: – А пять миллионов русских, в серых шинелях вас не пугают?

– Вы читаете газеты?

– Вы считаете меня идиотом?

– Газеты всего мира пишут о... проклятых коммунистах, которые рвутся к Ла-Маншу.

Лютцен охнул: – Вы опять надели сапоги десятилетней давности?

– Я не говорю, что мы защищаем Европу от коммунизма. Я говорю, что мы – Европа.

– Лучше бы он надел тапочки.

– Фридрих, прекратите. Я говорю вам о том, что мы в текущий момент воюем с одной страной, приблизительно равной. И они, они на нас напали. На меня, лично.

Лютцен докрутил сигарету и закурил.

– В текущий момент – да. А потом?

– Это не моё дело. Это дело политиков.

– Минуту назад я слышал речи с трибуны. Макс, вы должны определиться. Вы политик или нет?

Макс сменил тон на тот, которым он говорил с надоедливыми журналистами на пресс-конференциях: – Этот вопрос не достоин чести военного. Как и ответ на этот вопрос.

– Так мы пива не сварим.

– Вот что. Я готов быть политиком, если этого требуето, чем мы занимаемся. Отставка Брандта – политический вопрос. Да, как и наш план. Оставление Берлина – политический вопрос. Его мы ставим перед всем миром. Готовьтесь смириться с тем, что мы – беззащитны как голубь мира. И еще раз. Давайте начнём с начала.

4. Перелом

5 мая, 13:00

Вторая моторизованная дивизия генерала Шрёдера держалась достойно. Восемь часов бойцы отбивались от атак превосходящего по силам противника, тем самым снискав себе место рядом с Тонкой Красной линией. Телеграмма с просьбой от Рихтера остановиться дошла слишком поздно. Сказалось и качество прекрасных немецких дорог, по которым Максименко достаточно быстро перебросил войска.

На девятом часу обороны на южный фланг Шрёдера, терзаемый силами ОТТБ, обрушился шквал огня – отработали люди Энквиста из полка реактивной артиллерии. Максименко пришлось отступить.

Рихтер, хлестал кофе, разбирал бумаги, готовил подробный план предстоящей операции. Пепельница была набита окурками, выбитым табаком и пеплом, на столе валялись трубки. И, несмотря на день, на столе горела лампа, видимо ушедший с головой в работу генерал забыл даже про то, что на улице давно светло. Постучав, вошёл радостный адъютант:

- Честь имею поздравить, господин генерал-полковник!
- А вот эту дивизию мы... – Но увидел перед собой адъ-

ютанта, он лишь протяжно моргнул. «Значит, он мне еще не снится. А что я хотел от той дивизии? Неважно» – после чего спросил:

– Так с чем это еще вы хотите меня поздравить?

– Пришла телеграмма из Генерального штаба. Вас переводят на более высокую командную должность.

Рихтер глянул на бумаги, потом на лейтенанта исподлобья и абсолютно без интереса спросил:

– Куда именно?

– Вам пришло назначение на должность командующего группой армий А.

Бумаги тихо легли на стол, к ним отправилось и пенсне. Рихтер ожесточенно тер ладонью свой морщинистый лоб, и с легким стоном говорил.

– Только этого мне не хватало. Она же трещит по швам.

– Здесь приписка, господин генерал.

– Что за приписка? Расстрел за неисполнение обязанностей?

– Никак нет. Готовится ваше повышение в фельдмаршалы. Придет со дня на день.

Мертенс протянул телеграмму, генерал принял ее, начал шарить по столу в поисках пенсне. Не нашёл, и пришлось шуриться, то поднося лист ближе, то дальше.

– М-м-да. И вы думаете, это из-за моих заслуг? Я так думать не могу.

Адъютант пропустил это старческое бормотание мимо

ушей:

– Будут ли распоряжения господин фельд... то есть генерал?

– Непременно! Свяжитесь с Лейпцигским вокзалом и распорядитесь насчет поезда для штаба. Выежаем в Берлин, скажем, через два часа. Распорядитесь насчёт моих бумаг – вы за них отвечаете. Я же прибуду к поезду.

Не успел адъютант закрыть дверь, как пришёл капитан Левински, из радиослужбы. Он передал важную новость – в лагере противника тоже кадровая перестановка. На должность командующего Берлинским направлением назначен военный специалист из Москвы, маршал Евгений Агаянц. О биографии его известно немного, но то, что попало в руки разведки, вызывало немалый интерес. Фигура Агаянца держалась в тени, но от глаза спецслужб не ускользает ничего. В памяти Рихтера уже пошли строки досье, которое он составлял незадолго до конфликта.

Итак... «Маршал Агаянц начинал свою карьеру в Гражданскую войну в России. Тогда он командовал кавалерийской дивизией. После войны был направлен в Академию при генеральном штабе РККА. После чего назначен администрировать работу секретной советско-германской танковой школы в Казани. Там он познакомился с теоретиком „Блицкрига“ Гудерианом. После прекращения деятельности школы был послан в Испанию как военный советник. Во время войны работал в оперативном отделе генерального штаба.

Там же в штабе прославился как психолог и аналитик».

Он на данном уровне анализировал и предсказывал действия немецких генералов на советско-германском фронте. И теперь руководство решило извлечь эту темную карту из рукава и бросить ее на стол. Это назначение тем и выглядит интригующе – это третий советский военачальник, оказавшийся в Польше.

«Так-так... Мой новый противник, Агаянц, очень силен. Его главный козырь – знание психологии моих коллег. Мое главное преимущество – он не знает, кто я. Будем играть от обратного. Покажем ему нечто, не соответствующее его представлению о немецком военачальнике... Необходимо разослать секретный циркуляр, чтобы они держали ухо востро и при первой возможности были готовы выкинуть ответную неожиданность. И готов спорить, что его окрестят самым странным циркуляром за всю историю войн. Глупости какие... циркуляр» – Так размышлял Рихтер, расхаживая по кабинету и заложив руки за спину.

Таким и застал его лейтенант, вошедшим без стука в приоткрытую дверь:

– Разрешите господин генерал?

– Да, входите. Какие новости?

– Поезд готов. Штаб готовится к отправке.

– А как там поживает Штрахвиц?

Курт недолго помолчал, вспоминая: – Никаких известий.

– Подозрительно. Подайте-ка мой китель и фуражку. Ма-

шину с водителем к входу.

А в номере Штрахвица была тишина. У двери расхаживал шуцман местной полиции, тревожно прислушиваясь, однако, не решаясь зайти. Чуть позднее, ближе к трем появился и ассистент городской полиции.

– Ну, как он там?

– Спал без задних ног. Ну, или притворялся.

Ассистент сосредоточенно промолчал, после выпалил: – Понятно. Сегодня что-нибудь еще произошло?

– Никак нет. Но... Как-то подозрительно тихо.

– Я тебя понял, шуцман. Будь готов прийти на помощь, я зайду – проверю

– Есть!

Ассистент вошел в комнату, затворив за собой дверь. И это была страшная ошибка. Все случилось в пару мгновений: раздался звон стекла, короткий стон, стук створок окна и грохот сапог о брусчатку. Шуцман вбежал в комнату и дал трель свистка. Крикнул «Тревога, преступник бежал», после чего окинул взглядом комнату. На полу, в осколках стекла и воде валялся оглушенный полицейский, окно было широко распахнуто. Занавески белыми привидениями трепыхались от дуновений свежего ветра. Шуцман выглянул в окно и увидел, как полковника Штрахвица скрутил патруль, проходивший недалеко и прибывший на свист...

Полицейские имели большой опыт в своём нелёгком ремесле, моментально скрутив руки, защёлкнув браслеты,

и бросив в кузов стоящего за углом грузовичка с надписью «Свежие овощи». Впрочем, надпись совершенно не отвечала действительности – внутри были скамьи для заключенных, а чуть в глубине и место для охранника.

Грузовик мотало по извилистым улочкам, Штрахвица сбрасывало с низкой скамьи, и било об пол, пока, наконец, машина не дёрнулась в последний раз. Двери открылись, но света Иоганн не увидел – машина остановилась в гараже. Полицейские в шако, выволокли его, и, пнув его хорошенько, окрикнули: – Ну, пошевеливайся, свинья!

После спросили у служащего: – Куда его? К Нагелю?

– Нагель отбыл, чтобы завершить дело с «Берлинер-банком», вернётся скоро. Тащи его к Куглеру, он знает, что с ним сделать.

Тесные и сырые коридоры – полицейский участок, скорее всего, был брошен, и только недавно был возвращен к жизни. Коридор был настолько узок, что пришлось одному идти впереди, а другому подгонять его сзади тычками ствола карабина. А после подъём по лестнице на второй этаж, но тут Иоганн оступился, и упал, за что был вознаграждён ударом прикладом под ребро и криком – Вставай, мразь!

Еще два пинка, и Штрахвица, красного от боли и гнева, подняли, и поволокли в кабинет к похожему на борова, седому полицейскому. Старший из его мучителей рапортовал развалившемуся в кресле с сигарой:

– Господин старший советник! Заключенный Иоганн

Штрахвиц доставлен.

– А, свежий «овощ»... ну, киньте его на табурет, – с безразличием ответил этот чиновник, встав с кресла и пройдя к своему рабочему месту. После чего распорядился, тыкая в каждого сигарой: – Ты, стой на месте, а ты – за печатную машинку.

После чего обратился к Иоганну: – Вы бежали из-под стражи?

Штрахвиц молчал, и чиновник с золотыми орлами на петлицах, сожалеюще вздохнул, после чего покрепче затянулся сигарой, и запустил ее в лицо, и с тем же резко встал и крикнул: – Отвечать!

После он тяжело сел обратно, и пристально глянул в глаза Иоганну. Встретились две стихии – пламя, которое должно вот-вот вырваться и испепелить, и выработанное годами равнодушие и привычка к делу.

И опять тягостное молчание, чиновник колебался, приказывать ли пытаться этого человека, или нет. В конце концов, он решил еще раз спросить, спокойно и равнодушно:

– Это вы бежали из-под стражи?

Иоганн совершенно не собирался отвечать, но за него это сделал один из полицейских: – Да, это он, господин старший советник.

Старший советник обернулся к другому, что сидел за печатной машинкой.

– Внесите в протокол – доставлен Иоганн Штрахвиц, пол-

ковник Переходной армии, обвиняется в нападении на сотрудников Полиции безопасности, и покушении на побег из-под стражи... а протокол судебного решения составьте на шестое число, нам с ним возиться некогда.

После чего он обернулся к Иоганну: – Ну-с, мне всё как будто ясно, полковник. Вы военный преступник, который должен быть казнён. Что мы с удовольствием и сделаем... у вас остались последние минуты жизни. С прибытием Нагеля начнём вашу экзекуцию, – Он ненадолго задумался, после чего предложил последнюю сигарету, но Штрахвиц лишь плюнул ему в лицо.

Советник оскалится, но снёс эту обиду, вытерев лицо белоснежным носовым платком, и из-под него сказал: – Увести, увести его...

Его выволокли в узкий коридор, где полицейские вдоволь потешились над его телом – пока один прижимал его к стене, другой с садистским удовольствием «обрабатывал» его колени прикладом. Адская боль, и Иоганн уже не мог стоять – безвольной тушей сполз по стене. Тогда пришла очередь другого – и удары кованых сапог обрушились на Штрахвица. Сквозь кровавую пелену боли он расслышал только одно – Ты не перестарайся, Нагель тебя по голове не погладит за такое.

– А ладно, потащили его в камеру.

Они приподняли его слегка, но после опять бросили – только для того, чтобы один из полицейских обрушил

на него последний удар – под затылок прикладом.

Иоганн очнулся только в камере, от того, что его окатили водой, и первое, что он заметил – так это всё тех же садистов, молодого офицера, услужливо-красного борова, и среди них генерала Рихтера. Он сразу же подался вперёд, но больная нога позволила сделать лишь один шаг.

Равнодушные лица чиновников, Макс, не поднимающий глаз – всё очевидно. Секундная пауза тянулась бесконечно долго, пока не заговорил начальник полиции:

– Военный преступник Штрахвиц Иоганн приказываю встать! Заслушайте приговор военного трибунала. Вы приговорены к смертной казни за неисполнение приказов вышестоящего начальства и попытку бежать из-под стражи во время судебного разбирательства. Приговор обжалованию не подлежит и будет исполнен незамедлительно.

– Вы, чёрт вас дери, издеваетесь, – прокричал Штрахвиц: – Скорее вы армию погубите, чем Иваны! К чёрту вас, пусть они сделают своё дело! Дайте пистолет!

– Успокойся и прими смерть как мужчина! Доктор, делайте инъекцию.

– Как мужчина!? Дайте же блядский пистолет!

Полковника скрутили и врач, натягивая перчатки, произнес:

– Сначала яд, потом пистолет. Идет? Все будет выглядеть как самоубийство. Вас похоронят с почестями, семья не по-

страдает.

– Вы серьёзно?! Хотите усыпить меня как собаку?! Дайте чёртov пистолет!

Штрахвиц почувствовал дрожь в ногах. Он знал, что по его венам расходится яд, который медленно убивает его уже немолодое, но вполне сильное тело. Ему сделали инъекцию, отпустили, после чего он упал на колени. Ему бросили пистолет, Штрахвиц поймал его на лету и на секунду задумался – «Может забрать этого ублюдка с собой?». Но он решил сохранить достоинство до конца. Приставив дуло к голове, он спустил курок. Раздался сухой щелчок.

– Какого черта?!

Рихтер тяжело проронил, с похоронной интонацией – Надеюсь, это послужит вам хорошим уроком. И зачем вы бежали из отеля?

Штрахвица вогнало в краску, он бросился на Макса, но врачи его сдержали: – Так это был ты, сукин сын?! Это из-за тебя меня убили!

Доктор, что делал укол, успокаивающе сказал: – Голубчик, так никто вас не убил! Укол глюкозы никому не навредит, если конечно у вас на нее не аллергия.

Но Иоганна не отпускало его возмущение, и он, трясущийся, кричал – Блядский цирк! Зачем?! За что?!

Но Макс ничего не ответил. Только вытащил готовый чек, сложил его вдвое, и сунул в карман советнику Куглеру, и прошептал: – Не потратьте всё сразу.

Куглер кивнул, после чего открыл чек, и округлил глаза. Там было обозначено ни много, ни мало – тридцать марок. Это явно было не та сумма, на которую он рассчитывал: – Простите, но мы...

Штрахвиц пытался подняться, а улыбающийся Рихтер торжествующе заявил: – Мы? Вы арестованы, старший советник! Сдайте оружие. Нагель, закуйте этого коррупционера.

– Вы не посмеете, Нагель!

Рихтер говорил спокойно:

– Он посмеет. Нагель, или я пришью вас, или вы арестовываете этого мерзавца, что шантажировал меня, и выбил из меня взятку. И ни в коем случае не дайте ему удавиться в камере. Его будет ждать суд. Вы, шуцман, выступите на нём вторым свидетелем. И еще. Так как вы, помощник инспектора, теперь здесь главный – распорядитесь-ка насчёт такой же разминки для полицейских, но теперь на бывшем старшем советнике. А вас, Иоганн, я попрошу пойти со мной, нас ждёт поезд.

На запасном пути стоял под парами старый кригслокомотив с десятком вагонов на прицепе. У поезда курили офицеры штаба, любуясь закатом, суетились носильщики, загружая имуществом вагоны. Радисты возились со своими телеграфами, машина с Рихтером и Штрахвицем подъехала в последний момент. Иоганн не мог идти, его колени страшно

ныли, и Рихтер попросил его:

– Обопритесь на меня, старина.

Иоганн стонал от боли, а Макс спешил его успокоить – В поезде нас ждут врачи, только дотяните. С меня трость за миллион марок, только напомните. Да, скажите наконец, зачем вы бежали?

– Бежал вслед за армией. Думал, ты оставишь город. Да и те двое, что меня сюда доставили, отбыли. Их заменила полиция.

– Дурного же вы обо мне мнения, Иоганн.

И они направились к поезду, что увезёт их на Запад.

5. Тщательные приготовления

5 мая, 15:21

Поезд мчался на запад, по ярко освещенной долине, глядкой, как стол, мерно постукивая колесами. Покачивались шторы, гонимые ветерком, позвякивали стаканы на столе.

Рихтер и Штрахвиц сидели в вагоне-ресторане, спешно переоборудованном под штабное помещение. Роскошная обстановка, красное дерево и бархатные портьеры, ковры глушили шаги. У карты, расстеленной на сдвинутых столах с резными ножками, они прохаживались и обменивались предположениями. Играли в командно-штабную игру и продумывали действия сил Берлинского направления, причем играли с азартом. Штрахвиц был несколько озлоблен за вчерашнее и здорово хромал. Макс же с легкой улыбкой на лице и коварным прищуром скользил по карте, иногда бросая колкие взгляды на Иоганна.

– А вот взгляните! Чем у нас прикрывается линия Потсдам – Карлсхорст? Девяносто первая дивизия фольксштурма... Им бы сил придать, танки перебросить, что ли. Есть у нас резерв?

Рихтер поморщился, будто от зубной боли: – И думать забудьте! Я понимаю, в сорок пятом русские использовали тан-

ки в Берлине, недооценивая наше новейшее оружие – противотанковые гранатометы. Но теперь они есть и у наших противников. А наши танки тоже в угрожаемом положении. Теперь о первом вашем вопросе... знаю, вы изучали военный опыт русских, но это не самая известная страница войны. Наши фольксштурмисты проявили себя просто отменно! Они защищали свои дома, притом заметьте, Штрахвиц, они местные. Прекрасно знают географию своего города. Мы воспользуемся этим. Помните, русские в войне с Бонапартом сдали Москву? Так вот, Штрахвиц, я проверну тот же трюк! Они будут в шоке. А потом мы... окружим их там. Как в Сталинграде!

Рихтер разнервничался, говорил вдохновенно и на последней фразе со всей силы шарахнул кулаком по столу, и тут же схватился от боли:

– Ах, чёрт, забыл! Старая рана, с сорок четвертого меня беспокоит.

В Штрахвице проснулось любопытство, нарушившее стереотип о штабном вояке – Где вы его получили?

– В Фалезском мешке. Янки подложили бомбу в нашем штабе. Красивый угловой дом одного фабриканта содрогнулся, и ровно в тот момент, когда мы как раз обдумывали действия по выходу из ситуации...

Немного постанывая от боли, Рихтер продолжал свое рассуждение:

– Странно, что они желали убить меня. Я нужен был им

живым. В том кабинете, что они взорвали, был сейф с данными по программе «Бета», а эти идиоты уничтожили их. Господа из «три нуля-первой» были страшно недовольны.

И этот набор цифр заинтриговал Штрахвица: – Что это за программа?

– Гос. тайна. Не могу сказать. Кстати... Хорошо, что напомнили... Вот, гляньте на карту. Видите тоннель?

– Наблюдаю дорогу, которая ведет в тупик.

– Верно. Там наше номерное предприятие – лаборатория с шифром «ноль-сто». И еще раз спасибо за мысль. Знаете, я, пожалуй, подыщу исполнителей для этого дела.

Вошел адъютант:

– Господин генерал! Силы радиоразведки подтвердили направление движение состава Максименко.

Рихтер хлопнул в ладони: – Превосходно, Курт! По какой ветке, и с какими остановками он идет?

– Сейчас, – Адъютант развернул листок, некоторое время вникал: – Это имперская магистраль Киль – Данциг. Его литературный поезд идет от Мемеля-Лиепай, менял колесные пары у Гданьска-Данцига, теперь идет с остановками в Штеттине, Шведте и Карлсхорсте.

Внимательно слушавший Штрахвиц решил вмешаться: – Не слишком ли много остановок для литературного?

– Да, действительно. «Восьмерка», наверное, у них малый запас угля. Им приходится выполнять остановки, – После этой ремарки Рихтер взял из рук адъютанта листок, хлопает

его по плечу: – Прекрасно поработали. Передайте мои поздравления разведке, потом зайдите к кадровикам, пусть готовят представления к наградам и новым званиям. Приступайте!

– Есть, – Курт щелкнул каблуками и спешно вышел, затворив дверь.

Штрахвица осенило: – Макс, прекрасный шанс! Мы не можем его упустить, давайте же его прихлопнем, к чертовой матери!

Рихтер ожесточенно тер лоб: – А-ах, проклятье! – После чего он крикнул за дверь – Курт! Сюда!

– З-здесь, г-господин генерал!

– Передайте Левински, чтобы передал Ходжесу: «Прошу встретить». Он ненавидит говорить с посредником. Я сам должен ехать к нему. Ссадите на ближайшей станции, приготовьте там автомобиль, дальше до аэродрома, что в сорока километрах на запад. Там приготовьте «Аиста» с пилотом, на котором доберусь до Дюссельдорфа. Второе – перерисуйте местность рядом со складом ГСМ в Потсдаме Третье – нужно найти папку по проекту «Бета», но это я сам...

Рихтер обернулся к Штрахвицу: – Теперь с вами. Берите себе заместителя, ведите войска к оборонительным рубежам у Фюрстенвальда. Папку с четким планом сейчас выдам. И... пойми Иоганн.

Макс замолчал, пристально глянул ему в глаза: – От этой операции зависит исход войны. Выполняйте неукоснительно

указания из папки, тщательно следите за обстановкой. Если поймете, что вам навязывают бой – уклоняйтесь. Если местность и обстоятельства позволяют – сами навязывайте бой. Но учтите – вы сейчас бежите спринт против опытного противника. Кто первый добежит – получит приз в виде Берлина. Вернусь послезавтра, если я не поймаю утром ваш поезд на Ангальтском вокзале – расстрела вам не миновать. А если поймаю – в долгу не останусь. Ну, удачи.

Рихтер подал руку на прощание, после чего слегка обнял Штрахвица. Вид у Макса был растерянный, лицо несколько подрагивало от осознания, какой же головокружительный трюк он затеял.

Перед тем, как сойти с поезда, в тамбуре Рихтер доверительным шёпотом обнадеживал Штрахвица: – Агаянц непременно купится на нашу уловку, только соблюдайте все, что я скажу в точности. Они еще ничего не поняли. С Богом!

– И тебе удачи, Макс! – Крикнул Штрахвиц вслед.

Не прошло и четырех часов, как Рихтер уже стоял на дюссельдорфском вокзале и ждал автомобиль Ходжеса.

Рихтер был ошарашен, когда подъехал старенький джип за рулем которого бы сам генерал.

– О, мистер Райхтиир, приветствую в Дюссельдорфе.

– Какая встреча, герр генерал. И... – повисла пауза – прошу вас, меня зовут Рихтер, Макс Рихтер. Неужто забыли?

– Рихтер... Рихтер? Чёрт, старый лис! Я ведь чуть не пой-

мал тебя под Бастонью.

– Чуть – не считается, герр генерал, – Рихтер усмехнулся: – Но теперь я в ваших руках. И мне очень нужна ваша помощь.

«Ох, пожаловал Господь союзничка...» – подумал Ходжес.

– Так что тебе надо, старый лис?

– Так... Пару пуляков. Три – четыре сотни многообразных гранатометов и комплектов к ним. Мы готовим оборону Берлина.

– И ради этого ты приехал сюда?

– Я побил все рекорды, спеша сюда... И не только за этим. Мне нужен талантливый исполнитель для диверсии на фронте.

– Посмотрим, посмотрим.

Рихтер запрыгнул в джип, и они помчались на базу.

6. Жребий брошен

5 мая, 16:53

Одинокий грузовик трясся по ухабистой дороге прочь от Дюссельдорфа. Дождь исчерпал свои силы и превратился в мелкую морось. Бейкер, сидя на пассажирском месте, думал о будущем роты. Война с Восточным блоком – это не то, что продлит их жизнь. Если повезёт, то конфликт закончиться так же быстро, как и предыдущий. А если нет, то их ждёт очередная Великая война.

Когда всё начало идти к этому? Наверно, после гибели Черчилля в сорок шестом. Джон помнил снимки с места авиакатастрофы, которые сразу же заняли первую полосу. Премьер-министра (теперь уже бывшего) пришлось отскрести от остатков сиденья. Ему на смену пришёл Энтони Иден, один из немногих политиков, имевших хорошую репутацию в Советском Союзе.

Иден сразу же приказал провести независимое расследование, что в планы вице-президента Гарри Трумена не входило. После дипломатической перепалки (которую Джон проследил с помощью знакомых из сведущих кругов) Британия и США в знак обоюдного протеста закрыли свои консульства на уик-энд.

Но этим дело не закончилось. В некоем (ныне известном) приграничном городке на севере штата Мен происходит старая добрая драка в баре. Красный угол ринга заняли британцы, пришедшие в увольнительную из Канады, а синий – местный военный контингент. Уверенную победу красных омрачил приезд местной полиции, повязавший нескольких британцев.

Впрочем, долго они в изоляторах не просидели. Им на помощь подоспели свежие силы с личным оружием, специально ради этого перешедшие границы. Если верить газетам, доблестная полиция Мена сопротивлялась до последнего, ранив несколько из десятков британцев. Тем не менее, они не смогли отстоять заключенных.

К тому моменту как британцы вызволили сослуживцев, к месту действия подоспела Национальная гвардия. Теперь никто не узнает, кто выстрелил первым. Зато все знают, что это перестрелка вылилась в трехдневный локальный конфликт с привлечением армий обеих сторон.

Последние выстрелы стихли в понедельник, оставив после себя две тысячи убитых и раненых, разрушенный городок и уход Трумена с поста. Для абсолютного большинства американцев его уход был неожиданным. Немногие знали, что он попросту струхнул перед попыткой импичмента, которую предпринял Конгресс, припомнив провал многомиллионного проекта «Манхеттен». Позже к этому обвинению добавили и штурм Осаки, сразу после бомбардировки её тем, что оста-

лось от «Проекта», не забыв упомянуть и о ковровых бомбардировках Хиросимы.

Занявший его кресло Дуайт Эйзенхауэр провозгласил лозунг «Америка превыше всего», предлагавший американцам сосредоточиться на внутренних проблемах. Отношения с Британией были восстановлены (хоть они и не достигли прежнего уровня), а через холодный Берингов пролив протянулось добрососедское рукопожатие.

Конфликт сорок восьмого лишь укрепил отношение США и с Британией, и Советским Союзом. Джон видел по телевизору прямую трансляцию заседания ООН в Нью-Йорке. Видел, как Тройка работала сообща, видел, как Вячеслав (черт в их именах ногу сломит!) Молотов призвал «собраться в Ялтинском формате». Британская делегация предложила собраться в Нормандии, но в итоге всех устроил Париж. Французы (и здесь влезли) стали посредниками для ФРГ и ГДР. Собирались в Париже, но итогом стал новый «Версаль», где победитель навязал волю побеждённому, а некоторое время спустя на карте появилось новое государство – Восточно-Европейская социалистическая республика, сплав остатков ГДР и Польской Народной республики (название утверждало ООН, право нации на самоопределение или что-то в этом духе).

И вот теперь мир снова стоял на краю. И в этот раз у него не было уверенности, что выйдет так же гладко, как и в прошлом году.

За этими мыслями Бейкер не заметил, как они подъехали к КПП. Из небольшой серой постройки вышел сержант. Подойдя к кабине, он заглянул внутрь, и с характерным южным говором протянул:

– И кого это к нам занесло?

– Митчелл, открывай уже, «бастарды» вернулись с кутежа, – сказал капитан, протягивая документы.

– Доброго дня, капитан, – сержант козырнул, мельком взглянул на документы, и вернул их владельцу: – Слышали новости?

– Да, – буркнул он, убирая документы: – Поэтому не спешу с выводами.

– Ваша правда, – пробормотал сержант, махнув рукой рядовым, после чего те мигом открыли ворота: – Проезжайте.

Грузовик, слегка покачиваясь, въехал на территорию базы. Несмотря на сгущающиеся сумерки, база была похожа на развороченный муравейник. Повсюду сновали солдаты, нагруженные ящиками защитного цвета. На плацу, который располагался в центре, выстроились несколько взводов. Казармы, расположенные справа от плаца, гудели подобно ульям, из которых то и дело вылетали пчёлы-работчие. Со стрельбища, находившегося в некотором удалении от базы, слышались одиночные выстрелы винтовок, сменяемые стрекотом пулемётов. Грузовик свернул налево, к ангарам. Проезжая мимо них можно было заметить механиков, копошившихся в технике. Отыскав нужное место, грузовик за-

ехал внутрь и припарковался. Бойцы дружно высыпал из кузова и мигом построились. Джон, выйдя из кабины, осмотрел строй и сказал:

– Вольно. Всем проследовать в казарму и подготовиться – для нас уже могли припасти несколько заданий. Выполнять!

– Сэр, есть сэр! – гроыхнул строй и двинулся к казармам. Джон успел перехватить лейтенанта, и шепнуть: – Макмила на склад, у него два дежурства. И подготовь бумаги.

Альберт кивнул и двинулся вслед за строем. На выходе из ангара Джон столкнулся с первым лейтенантом Эдвардом Миллером, заместителем предыдущего капитана роты. В серых глазах лейтенанта Бейкер уловил отблески предвкушения и азарта:

– А, капитан, повсюду вас ищу. Слышали новости?

– Да, слышал. Как молодняк?

– Держатся, – кивнул Миллер: – Отправил их на стрельбище. Сейчас там Ястреб за главного.

– Ястреб? – присвистнул Джон: – Не завидую я им. Они же пока всех муравьёв на стрельбище не перестреляют, не уйдут.

– Ничего, это им на пользу, – Эдвард слегка ухмыльнулся: – Ах да, генерал просил зайти. У него вроде есть задание.

– Другого я не ожидал, – хмыкнул Бейкер, закуривая сигарету: – Ладно, спасай молодняк, а я дойду до генерала.

– Есть, – лейтенант развернулся и двинулся на стрельбище.

Джон постоял ещё пару секунд и двинулся к штабному корпусу, располагавшемуся севернее плаца. Это было серое панельное двухэтажное здание. Из-за малого количества этажей оно было похоже скорее на простуженного расклеившегося гнома, чем на сердце всей базы. Внутри он застал там нечто, что можно было бы назвать упорядоченным хаосом. Штабные работники сновали из кабинета в кабинет с кипами бумаг наперевес, отовсюду слышались пулемётные очереди в исполнении печатных машинок, то и дело звучали окрики. Двигаясь к лестнице на второй этаж, он краем глаза заметил в трёх кабинетах развешанные карты, над которыми трудились картографы, устанавливающие небольшие фигурки, изображающие дивизии.

Поднявшись на второй этаж, он под постоянным обстрелом машинок, двинулся по коридору, который заканчивался приемной. Приёмная была небольшим кабинетом с двумя выдавшими виды диванами и местами для секретаря и адъютанта, который сейчас отсутствовал. Секретарь на секунду отвлёкся от бумаг, и, увидев капитана, кивнул на дверь:

– Вас ожидают, капитан Бейкер.

Джон ответил кивком и, сняв шляпу, постучал. На двери трафаретом была выведена надпись: «Кортни Х. Ходжес» и три звезды.

– Войдите.

Капитан отворил дверь и зашёл в кабинет. Он был небольшим, без каких-либо излишеств. Потёртый дешёвый паркет,

массивный дубовый стол, заваленный бумагами, три стула, настенные часы и карта, занимающая почти всю стену. Генерал стоял у окна и покуривал сигару. На истёртом кителе были видны капли дождя.

– Генерал, вы хотели меня видеть? – закрыв за собой дверь, спросил Джон.

– Да, капитан, входите, – ответил тот, кивнув на вешалку. Рука как обычно лежала на кобуре с револьвером: – Полагаю, вы уже в курсе?

– Признаться честно, мне не сообщили деталей, – сказал Джон, вешая плащ на вешалку: – Что в точности произошло?

– Это довольно странная ситуация, – Ходжес подошёл к карте и указал на часть границы ФРГ и Восточно—Европейской Социалистической республик:

– У нас проходили совместные с немцами учение в этом районе. Решили отработать сброс припасов с помощью вертолётов Сикорского в ночных условиях. Ориентировались по картам, данным немецким штабом. В итоге два вертолёт залетели на территорию поляков, где и были сбиты. Итого мы получили 4-х мёртвых пилотов, утерянную технику и большущую занозу в заднице! После этого мы отвели войска, и, чёрт возьми, не прогадали! Ранним утром части Европейской республики попытались прорваться через Эльбу у Лейпцига. Мы не сразу поняли, в чем дело, поэтому старались не поднимать шумиху зря. В остальном – они ведут наступление широким фронтом, спотыкающееся о старые ру-

бежи обороны.

– Странно – задумчиво протянул Джон: – Провокация или подставные карты?

– Неизвестно, – Ходжес кинул взгляд на портрет президента, висящий над столом: – Объединённый комитет начальников штабов держит ответ перед Айком за эти учения. Но пока суд да дело, я подчиняюсь Комитету.

– Похоже на плохой анекдот, – покачал головой Джон.

– Согласен, выглядит это всё очень скверно, – Ходжес сел за стол и окинул недовольным взглядом бумаги: – Ладно, провокация или нет – пусть Кастельяно разбирается. Для тебя, Джон, нашлось задание.

– Никогда не сомневался в оперативности нашего штаба, – усмехнулся Джон, и с молчаливого согласия генерала закурил.

– В том то и дело, что не совсем наш – лицо генерала посерело: – Это халтурка от немецкого штаба. Приехала их большая шишка, хочет лично ввести тебя в курс дела.

– Вот оно что, – протянул Джон, пуская дым в потолок: – Эта и есть та самая солидарность?

– Война полякам не объявлена, поэтому действовать против них напрямую мы не можем. Однако, в знак того, что мы выполняем «Парижские» обязательства, Комитет решил оказать посильную помощь.

– Ладно, и так было ясно, что мы попадём под раздачу. Что именно он хочет... – его прервала распахнувшаяся

дверь.

«Вы, мать вашу, издеваетесь!» – пронеслось у Джона в голове.

На пороге стоял Максимилиан фон Рихтер, успевший, судя по погонам, стать генерал-полковником. Его нельзя было не узнать – те же аристократические черты лица, та же выправка. Те же глаза, в которых смешивалась скука и воодушевление. Они бы лучше подошли любителю бродвейских постановок, приехавшему в Даллас на грошовый мюзикл. Он ничуть не изменился со времён Фалезского мешка, хотя седина в волосах и морщины недвусмысленно намекали на возраст.

«Алекс! Сзади!»

Он двинулся вперёд, одновременно оглядывая помещение. Взгляд с прищуром пробежался по карте, после чего остановился на Джоне. Взгляд пронизывал насквозь, и оставлял впечатление того, что кто-то перетряхивал твои собственные внутренности.

– А, генерал-полковник, – протянул Ходжес, недовольно оглядев посетителя: – Раздобыли нужное?

– Да, проблем не возникло, – сказал тот по-английски, с плохо скрываемым немецким акцентом: – Как я уже говорил, эти гранатомёты очень помогут нам в дальнейшем. А что насчёт другой моей *просьбы*?

– Что ж, с ней так же не возникло накладок, – ухмыльнулся генерал, вставая со стула: – Вы просили лучших, так что

знакомьтесь, капитан Джон Бейкер, командир особой диверсионной роты. Джон, это генерал-полковник Макс фон Рихтер.

– Рад знакомству, – произнёс Рихтер, ещё раз пристально изучая собеседника.

– Взаимно, – кивнул Бейкер, положив окурок в пепельницу и снова достав пачку сигарет. Прищур только добавлял взгляду немца подозрительности, поэтому капитан не мог сказать наверняка, узнали его или нет. Он мог поклясться, что видел шестерёнки, крутящиеся в глазах старика

– Что ж, капитан, у меня есть для вас задание, – начал тот, положив на стол папку с бумагами: – Вы окажите большую...

– Давайте сразу к делу, – прервал его капитан, прикуривая очередную сигарету. Рихтер раскрыл папку и разложил бумаги на столе.

– Что ж, ладно, – пробормотал он, протягивая Джону фотографию: – Ваша цель – генерал Георгий Максименко (занятно... он произнёс это без акцента). Он – важная фигура в стане противника. С его убийством будет парализована работа целого подразделения. Поезд Максименко в три часа должен прибыть на склад горюче-смазочных материалов, находящийся не так далеко от линии фронта – с этими словами он достал карту местности и схематичный план:

– Склад находится примерно здесь, недалеко от населенного пункта Хоэнбуко (он ткнул в место на карте). Построен он недавно, поэтому наша разведка смогла добыть лишь этот

схематичный план: – с этими словами он протянул небольшой лист Джону.

– Так, что тут у нас? – пробормотал он, начав изучать план: – Ограждения, вышки с часовыми по периметру. Наблюдательный пункт на ближайшей высоте. Поезд прибудет в северную часть, я прав?

– Именно так. Рядом с путями располагаться резервуары с горючим. Южнее стоят ангары, а западнее – комендатура и казармы.

Рихтер поправил пенсне, и потянулся к бумагам: – Этот склад снабжает всю танковую бригаду противника, поэтому помимо устранения важно устроить на складе диверсию. Можете использовать любые методы, но я требую от вас выполнения этих задач!

– Будет сделано, – машинально произнёс Бейкер, обдумывая детали операции – План эвакуации есть?

– Да, и с ним будет связано небольшое... как это будет по-английски... – он обернулся к Ходжесу, ища помощи. После пробормотал, щелкнув пальцами: – ...поручение.

– Поручение? – с недоверием переспросил он, краем глаза заметив на руке генерал-полковника шрам.

«И это всё, что осталось от того взрыва?».

– Да... – он вновь оглядел кабинет, будто разыскивая карту: – видите ли, вы будете находиться по ту сторону фронта, поэтому об эвакуации вертолётом и думать не стоит. По земле, даже с транспортом, вы не прорвётесь, поэтому я предла-

гаю воспользоваться старыми подземными туннелями, как раз проходящими под линией столкновений,

С этими словами он достал схему: – Вот здесь вход, он располагается в 20 километрах от склада. Пройдёте по туннелям, свернёте в это ответвление и окажитесь уже на нашей территории, где вас уже будут ждать.

– Хорошо, так в чём состоит ваше поручение? – спросил капитан, принимая правила игры «в дурака».

– В туннеле, примерно на половине пути, вы наткнётесь на это.

Джону в руки лёг очередной план.

– Научно – исследовательский комплекс, один из лучших в Третьем Рейхе. Мне нужно, что бы вы пробрались внутрь и достали результаты их работы. Это может быть что угодно – формулы, записи, отчёты, доклады. Вы читаете по-немецки?

– Немного, – Джон внимательно осмотрел схему: – на чём именно специализировался этот комплекс?

– Создание противотанкового вооружения, а также новые взрывчатые и горючие вещества. Смею вас заверить, что все наработки, что вы там найдёте, позже будут переданы вашим учёным.

– Ещё бы! – вмешался Ходжес: – Ведь мы делаем всю грязную работу!

– Что верно, то верно, – подытожил капитан, бросая очередной окурок в пепельницу: – Что-нибудь ещё?

– Нет, на этом всё, – Рихтер собрал все документы в папку и передал её Бейкеру: – Здесь вся информация, касающиеся задания.

– Угу – он взял папку и обратился к генералу: – Понадобится самолёт и снаряжение.

– Выписываю тебе карт-бланш – Ходжес быстро написал что-то на бумаге и передал капитану: – Самолёт будет в полночь, так что не задерживайся.

– Так точно, – Джон убрал листок и снял с вешалки плащ: – Разрешите идти?

– погоди... – генерал открыл нижний ящик стола и достал небольшую коробку кубинских сигар: – Держи, отпразднуете успешное выполнение. Можешь идти.

– Спрячу от парней, а то они выкурят в первую же минуту, – капитан слабо улыбнулся и вышел из кабинета. Как только дверь захлопнулась, Рихтер снял пенсне и протер глаза, после чего обратился к генералу:

– Он точно лучший? Больно туговат, будто бы... – сдавая назад, сказал Макс.

– Лучше него и его парней вы не найдёте – усмехнулся генерал: – Слыхали об операции «Лесоруб»?

– Не доводилось.

– Но об убийстве Муссолини вы слышали?

– А кто не слышал? – Рихтер снова надел пенсне, и с лёгким подозрением посмотрел на Ходжеса: – Тогда полегла целая рота десантников.

– А умертвили их бойцы вашего нового знакомого. Он лично вышиб этому итальяшке мозги.

Выйдя из корпуса, Джон снова достал сигареты. Пачка подходило к концу, но его это не волновало – в отличие от «игр» с этим нацистом. В конце концов, тот дал ему над чем подумать.

«Этот наци что-то скрывает», – думал он, проходя мимо казарм: – «Знать бы, что именно. Почему немецкий штаб спохватился только сейчас? По идее весь комплекс должен был быть эвакуирован ещё в сорок пятом. Так в чём же дело? Недосчитались бумажки?».

Стрекот пулемётов на стрельбище потихоньку стихал, окончательно уступая место залпам винтовок. Дойдя до восточной части базы, он, минуя целый квартал солдатских казарм, подошёл к отдельно стоящей казарме «Бастардов». Кинув окурочек в стоящую рядом урну, он взялся за ручку двери, но внезапно почти забытая головная боль дала о себе знать. Бейкер облокотился о стену и принялся массировать правый висок. «Ну же, заканчивай давай!». Боль услышала просьбу и отступила так же быстро, как и появилась.

Открыв дверь, он оказался в просторном длинном помещении, которое было заполнено кроватями и личными шкафчиками солдат. Перед входной дверью была устроена

комната отдыха – несколько столов, бильярд, радиола, автомат по продаже «колы». В помещении стояло оживление: солдаты занимались оружием, приводили в порядок форму, а кто-то, уже закончив с приготовлениями, коротал время за книгой и бутылкой газировки.

Увидев командира, все как один вытянулись по струнке. Оглядев безупречные ряды бойцов, капитан кивнул, мол, вольно. Чувствуя на себе несколько десятков заинтересованных глаз, он сказал:

– Ладно, парни, расклад такой. Поступила одна халтурка от немецкого штаба. Я пока не знаю, кто на неё отправиться, так что будьте наготове. Разойтись.

Бойцы вернулись к своим делам, возмущаясь по поводу немецких выскочек, а капитан прошёл мимо рядов коек и зашёл в небольшой коридор, оканчивающийся тремя дверями. Левая вела в душевые, правая – в нужник. На центральной висела табличка: «Умник, не забудь постучать!». Слегка улыбнувшись, он открыл дверь.

Это был просторный кабинет, который капитан делил с двумя лейтенантами, Алом и Эдом. В центре кабинета стояли три стола, вдоль стен – такое же количество кроватей. Справа располагалась небольшая кухня с двумя тумбочками, холодильником и плитой. Над одной из тумб висел цветастый календарь в стиле пин-ап. Девушка в синем комбинезоне, еле скрывающем её прелести, склонилась над поломанной машиной. Левую стену почти полностью оккупировали

книжные полки, доверху забитые книгами. Полки эти напоминали ковчег. Здесь нуар Хэммета соседствовал с масштабностью Толстого, на которого косо глядел сентиментальный Диккенс. Стену напротив входа занимали карты, отчёты разведки, снимки местности, что делало эту часть комнаты похожей на небольшой командный центр. А правую часть этой стены занимали фотографии. Стена памяти. На Джона уставились взгляды уже давно умерших людей. И хоть на фотографиях люди казались весёлыми и непринуждёнными, ему всегда казалось, что они смотрят на него с укором. По соседству с фотографиями из стены торчал нож рядового Кука, первого погибшего на Гуадалканале. С ножа свисали личные жетоны павших. Своим перестукиванием они предостерегали от необдуманных решений.

За одним из столов сидел Ал, разбиравший бумаги. Бросив короткий взгляд на капитана, он кивнул на его стол, заваленный бумагами:

– Там тебе почта пришла. В основном сводки с фронта, ничего интересного. Слева телеграмма на твоё имя.

– Ясно. А ты оперативно бумаги оформил. Бойцы уже при снаряжении, – Джон подошел к столу. Между поверхностными отчётами и расписанием трансляций боксёрских боёв на ближайший месяц лежал жёлтый конверт.

– Миллера благодари, он всё заранее оформил, – усмехнулся лейтенант, бросая взгляд на конверт: – Что там?

– От Полковника – коротко бросил Джон, водя взглядом

по строкам:

«Капитан Бейкер... на вас возлагается огромная ответственность... в предстоящей схватке вы должны на деле подтвердить славу роты... Не посрамив моего и своего имени... Желаю удачи при выполнении особо важных заданий...».

Полковник курировал роту с самого начала. Он был смотрителем в приюте, позже планировал операции, но он быстро забросил это дело, спихнув всё на капитана Грэхема, тогдашнего командира роты.

– Всё, как говорил генерал.

– Да? И что же он сказал?

– Теперь мы помогаем немцам разгрести их дерьмо, вот что он сказал, – Джон скомкал письмо: – Немецкий штаб подбросил нам халтурку. Вот, держи, – на стол к лейтенанту полетела папка с деталями предстоящей операции.

Пока Ал рассматривал документы, Джон отправил письмо в корзину:

«Удачи он желает! Конечно, ему легко говорить. Он сейчас сидит в чёртовом Далласе, потягивая бурбон».

– М-да, это будет знатная заварушка, скажу я тебе, – протянул лейтенант, рассматривая план склада: – Есть исполнители на примете?

– Как раз думал об этом, – Джон уселся в кресло и закрыл глаза. Отбор исполнителей было его самой нелюбимой частью. Никогда не знаешь, кто вернётся с задания, а кто – нет. Даже идеально спланированная операция могла обернуться

серым мешком. Хорошенько всё обдумав, он начал:

– Если согласишься на план, то там отчётливо видно, что перрон находится рядом со складами горючего. Разместить взрывчатку на складах, заложить заряды рядом с остановкой поезда и бах – нет ни горючего, ни генерала.

– Тогда нужен подрывник и прикрытие, – Альберт пробежался взглядом по карте местности: – К слову о прикрытии... эта высота отлично подошла бы снайперу.

– Да, ты прав. Там же можно поместить пулемёт на случай громкого отхода: – капитан подошёл к столу и указал на прямоугольное здание на западе склада:

– Комендатура. Ставлю двадцатку, что там же узел связи. Зачистим его – и хаос на базе и в окрестностях обеспечен. По-хорошему, надо устранить и их начальника – для пушшего эффекта.

– На это ещё два человека. Выходит, шесть, – лейтенант внимательно посмотрел на Бейкера: – Есть идеи?

– Да, туда гарантированно отправляюсь я.

На вопросительный взгляд Ала, Джон честно ответил:

– Не нравится мне наш работодатель. Такое чувство, будто он что-то скрывает.

– С чего ты взял? – нахмурился Альберт.

– Погляди, – капитан пододвинул план туннелей: – Это наша эвакуация. Он попросил заглянуть в какой-то исследовательский комплекс, который находится как раз на полпути от нужного нам выхода.

– И чего он хочет?

– Нужно достать оттуда документы, если мы их, конечно, вообще найдём.

– М-да, и правда загадочно, – лейтенант потёр пальцами подбородок и сказал: – Раз так, то я иду с тобой.

– Другого я и не ожидал, – усмехнулся Джон, хлопнув Ала по плечу, после чего начал перечислять кандидатуры:

– Снайпером будет Макмиллан, он и так уже проштрафился. Пулемёт можно доверить Николсону, или Роквеалу, – капитан задумался на секунду и продолжил:

– Лучше «Ковбоя» подрывника нам не сыскать. Он как раз выписался из госпиталя. Кого брать прикрытием?

– Хммм... – задумался Ал: – Может Ястреба? Он не захочет пропустить такую возможность.

– Ястреба? – по спине пробежал холодок: – Да, пожалуй. С ним Майку точно ничего не грозит.

– Почти ничего: – сказал Ал, поглаживая макушку.

– Ладно, шутки в сторону, – Джон опёрся руками о стол и посмотрел на карту:

– Идём налегке. Знаков различия не надевать, вообще стараемся выглядеть как можно более неприметно. Я сейчас отправлю к тебе бойцов, проведи им инструктаж, а потом проводи до склада и оружейной. Я к вашему приходу там всё подготовлю. Встречаемся здесь: – он посмотрел на потёртые наручные часы. – Через сорок минут. Не забудь оформить на всех бумаги. Все ясно?

– Так точно, – лейтенант уткнулся в бумаги, а капитан неслышно вышел за дверь. Пройдя мимо столов, забитых скупающими солдатами, коротающими время за покером, он остановился у входной двери.

«Черт, а где же Николсон? Макмиллан на складе, Ястреб на стрельбище, О’Коннел в госпитале, куда этот запропастился?».

Порыскав глазами по скупающей публике, он наткнулся на сержанта Томпсона, пускавшего дым из свой кукурузной трубки. Сержант учувствовал в напряжённой игре в гляделки с участие торгового автомата. Подойдя поближе, Бейкер спросил:

– Бак, не знаешь, куда мог запропасться Николсон?

– А четвертак не подкинешь, кэп? – спросил сержант, не вынимая трубки изо рта.

– За языком следи, сержант, – Джон достал четвертак и кинул в прорезь. Автомат пару раз дернулся, после чего выдал бобовидную бутылку. Рука сержанта уже потянулась к ней, но капитан был быстрее. Открыв бутылку, он отхлебнул и сказал: – К тому же ты и так должен мне шесть долларов

– Твоя правда, – пожал плечами Томпсон: – Николсон должно быть всё ещё у Гарсии, возиться со снаряжением.

– И на том спасибо, – Джон отдал сержанту бутылку, после чего вышел из казармы.

Первым по списку был склад, располагавшийся чуть се-

вернее казарм и соседствующий с оружейной. Дойдя до места, Джон открыл железную дверь и вошел внутрь. Он оказался в сравнительно небольшом помещении, оканчивающийся окном для приёма заказов. Подойдя к нему, он застал там молодого парня, увлеченно читающего очередной выпуск «Дика Трейси». Постучав по столу, привлекая к себе внимание, Джон протянул парню бумагу:

– Это от генерала. Сюда скоро придёт небольшая группа «бастардов». Выдай им всё, что требуется.

Парень пробежался глазами по листку, после чего сказал:

– Да, всё в порядке. Что-нибудь ещё?

– Я отправлял сюда бойца, фамилия – Макмиллан. Он ещё здесь? У него появилась работёнка поважнее.

– Прислали одного, а пришли два, – усмехнулся тот, после чего крикнул куда-то в сторону: – Родригез, приведи сюда тех двоих добровольцев.

Через минуту дверь сбоку от окна открылась, и наружу вышли Джек и Элвин, щедро покрытые несколькими слоями пыли.

– А, капитан, рад тебя видеть, – заулыбался Джек, жуящий невзвесть откуда взявшиеся галеты: – Что, решил смилостивиться?

– Ага, как же – капитан смерил Джека недовольным взглядом. – Работёнку тебе нашел. К слову, Роквеал, какого чёрта ты вообще здесь делаешь?

– Мы же друзья, – басом протянул Роквеал: – А друзья

должны помогать друг другу.

– Видите, капитан, мои руки чисты, – Макмиллан вскинул испачканные руки кверху: – Фигурально выражаясь, конечно.

– Ладно, чёрт с вами, – Бейкер достал сигареты: – Макмиллан, в кабинет к лейтенанту, он даст вводную.

– Капитан, а можно мне с вами? – спросил Роквеал: – Я в порядке, может спросить дока. Он сказал...

Джон оценивающе оглядел рядового. Он был в отличной физической форме, на стрельбище он так же был в рядах лучших. Казалось, и не было травмы, не было комы, а шрам на голове лишь чья-то глупая шутка. Тем не менее, у доктора были другие соображения на этот счёт, да и у Бейкера были некоторые сомнения.

И всё же...

– Ладно, Элвин, верю тебе на слово. Но если что-то пойдёт не так, отвечать тебе, ясно?

– Ясно!

– Тогда бегом, марш!

Парочка пульей выскочила за дверь, а капитан не спеша последовал их примеру. Обойдя склад, он оказался перед входом в оружейную. Зайдя внутрь, он застал главного оружейника всей базы, Антонио Гарсия, темнее тучи.

– Ахой, Антонио, как денек?

– Как денек?! – взорвался Гарсия: – Ты спрашиваешь, как денёк?! Дерьмово! Такой наглости я ещё не встречал!

– Что стряслось, тебе кто-то с утра в кофе нагадил? – капитан старался развернуть гнев оружейника в конструктивное русло.

– Если бы! – взвыл тот: – Привезли партию отличнейших реактивных гранатомётов. Новенькие, в масле. Даже распаковать, мать их, не успели! Ввалился какой-то нацистский недобиток, махнул бумажкой от генерала и сказал, мол, отдавайте гранатомёты. Я ему начал было отвечать, а он как давай мне яйца выкручивать – карцером угрожал, выговорами, чуть ли не всеми казнями египетскими!

– И сколько он забрал?

– Всё – Гарсия бессильно осел на стул: – Все четыреста комплектов.

– Четыреста? – присвистнул Джон. – Видать, серьёзная заварушка намечается.

– Что есть, то есть, – кивнул Антонио: – Говорят, они от танков и мокрого места не оставляют, – он глубоко вздохнул и спросил: – Ладно, чего тебе?

– У меня тут карт-бланш от генерала...

– Что?! – взревел оружейник – И ты туда же?!

– Успокойся, – Джон примирительно поднял руки: – У меня тут халтурка от того нацистского недобитка, поэтому мы с тобой в одной лодке.

– Ладно, чего тебе? – Антонио достал блокнот и приготовился записывать.

– Один пулемёт Браунинга и две ленты к нему. – принял-

ся перечислять Джон – Карабин Маузера с глушилкой и оптикой на двенадцать. Шесть пистолетов-пулемётов «Стен», так же с глушилками. Не забудь выправить затворы, а то лязга будет на всю здание.

– Не учи ученого, – гаркнул Гарсия, не отвлекаясь от записей.

– Патронов ко всему не меньше шести обойм. И две дюжины ручных гранат.

– Сделаем, – кивнул Гарсия, убирая блокнот: – Когда заберёшь?

– Через минут двадцать придёт Альберт с парнями – вот они то и заберут. К слову, Николсона не видел?

– А, так он как раз собирался уходить, когда пришёл этот наци. Понаблюдав за нашим спором, а потом ушёл с Кастельяно.

– Кастельяно? – нахмурился капитан. – Ему-то какого чёрта надо было?

– Можешь смеяться, но ему нужен был этот наци – на восторженный взгляд капитана, Гарсия лишь пожал плечами: – По крайней мере, мне так показалось. Стоило Николсону заикнуться, что он уже видел этого старика, так Кастельяно схватил его со всем снаряжением, и был таков.

– Он имел в виду Фалез, – задумчиво протянул капитан: – Ладно, пошёл я, дел невпроворот.

– Попутного ветра, капер!

– Спасибо, он мне понадобится, – кивнул Джон и вышел

наружу.

Пройдя чуть дальше, он подошёл к зданию госпиталя. Кинув окурок в урну, он зашёл внутрь. Помещение госпиталя могло похвастаться стерильной чистотой и высокими потолками. Ряды больничных коек были аккуратно заправлены, и казалось, будто они надели лучшие костюмы для встречи гостей. А то, что гости будут, Джон даже не сомневался. Пройдя чуть дальше, он увидел Майкла «Ковбоя» О'Коннелла, получившего прозвище за то, что смог сбежать из приюта и пробраться на ближайшее ранчо, где оприходовал дочку хозяина. Непотухающий огонёк в ярко зелёных глазах дополнялся густыми непослушными рыжими волосами, которые Майк безуспешно пытался приручить короткими стрижками. Дополнением к вызывающей внешности был небольшой ожог на левой щеке. Попрощавшись с врачом, он обернулся, и, увидев капитана, направился к нему:

– А, капитан, какой приятный сюрприз!

– Если бы, – Джон смутился: – Как рука?

– Порядок, – Майк показал руку, на которой виднелся небольшой шрам: – Думал, чёртова граната меня угробит. Что, есть вести?

– Да. У нас появилась работёнка. Двигай к казарме, там объяснят.

– Понял, – Майк быстрым шагом покинул госпиталь, и Джон хотел уже последовать его примеру, но внезапно его окликнул доктор.

– Бейкер, не торопись, – Доктор подошел к нему. На бледном худом лице застыло недовольное выражение: – Почему ты не приходишь на осмотры?

– Как не прихожу? За эти полгода не одного не пропустил.

– Да, за исключением последних трех. Тебя там не было, могу даже бланки показать.

Джон осёкся на полуслове. Он точно помнил, что не пропустил ни одного дня. Или же в суматохе последнего месяца просто забыл? Ему стало слегка не по себе, память в последнее время подводила, но решив, что сейчас не время для длительных медицинских процедур, он попытался успокоить доктора:

– Спенсер, канадская операция была два года назад. Да, первое время голова побаливала, но теперь стало лучше.

– Дело не только в головной боли. У тебя могут появиться осложнения. Тебе и Роквеалу сильно там досталось, так что я бы на твоём месте не искушал судьбу. Кроме того... – он замялся, пытаясь подобрать слова. Было видно, что ему не хотелось этого говорить: – Возможно, стоит отправить Элвина в Штаты на обследование.

– Брось, не может быть всё так серьёзно, – эта новость сбила капитана с толку. Элвина на обследование? Неужели всё настолько плохо? – В чём причина?

– Мне кажется его травма серьёзнее, чем считалось ранее. По нему не скажешь, но на обследованиях всё всплывает. Его состояние пока стабильно, но через месяц может стать

слишком поздно. Я всё ещё его должник за Фалез, и я бы не хотел, чтобы из-за моей халатности он пострадал, – доктор замолчал, давая капитану время, после чего добавил: – В твоих же интересах побыстрее разобраться с этой проблемой.

– Я понимаю, – Бейкер всерьёз задумался над словами доктора. Элвин был хорошим бойцом, одним из лучших. Потеря такого солдата сейчас, в горячее время, было бы ударом по отряду. Но стал бы Бейкер ставить его жизнь под угрозу, а вместе с ним и безопасность отряда? Нет, на это он как командир пойти не мог. После небольшой паузы Бейкер сказал:

– Хорошо, Спенсер, ты прав. Его стоит отправить домой, раз ты говоришь, что это сможет помочь. Как только он вернётся с сегодняшнего задания, я подготовлю все бумаги, идёт?

– Идёт – кивнул Спенсер. По бледно-розоватым потрескавшимся губам пробежала тень улыбки: – Давайте там без глупостей, я рассчитываю сегодня выспаться.

– Сделаем в лучшем виде, док.

Улица встретила его вечерней свежестью и опустившимися сумерками. Вздохнув полной грудью, Джон почувствовал еле заметное покалывание в правом виске.

«Спенсер прав. После задания надо провериться».

Проходя мимо доски объявлений, он ненадолго остано-

вился. На ней не было пустого места. Вся она была покрыта самодельными листовками с предложением обмена пластинок, комиксов и прочих безделушек. Какой-то рядовой из шестой роты предлагал купить плакат Риты Хейворт. Рядом с объявлениями об обмене и продаже висело расписание киносеансов. Джон пробежал по нему взглядом.

«Чёрт, завтра вечером опять крутят „Гилду“. Хотя, если всё пройдёт удачно, то это было бы неплохим дополнением к удачному вечеру»

Дорога до стрельбища было недолгой. Та бурная деятельность, которую Бейкер застал по прибытии стала сходить на нет. Плац опустел, большинство ангаров были закрыты. Лишь казармы загудели с новой силой.

Стрельбище было полупустым – сказывалось время. Взгляд сразу же наткнулся на Миллера, прохаживающегося вдоль позиций и изредка выкрикивающего приказы. Заметив капитана, он подошёл:

– Ну что, как успехи?

– Так себе, – Джон окинул взглядом молодняк из Вест-Поинта: – Немцы выдали задание, меня и Ала не будет, так что ты за главного. Не видел Ястреба?

– А, он на сорок седьмой, – Эд махнул рукой к дальнему краю стрельбища.

– Угу, спасибо, – кивнул капитан, направляясь к нужной позиции. Повсюду слышались выстрелы и лязги вылетающих обойм. На противоположном краю стрельбища видне-

лись всполохи огнёмётов. Как и сказал Миллер, Ястреб оказался на сорок седьмой позиции. На несколько секунд капитана остановился, наблюдая за стрельбой.

Ястреб был коренным американцем. Как удалось выяснить, в приют его подкинули, а зритель не стал оставлять малыша на морозе. На шее младенца был небольшой амулет с выбитым на нём именем – Глейденох. Поездка в резервацию закончилась громкими объявлениями в газетах – немногочисленные поселенцы оказались зверски убитыми неизвестными. Расследование результатов не дало.

Перед глазами вновь предстала картина давно минувших дней. Ястреб пропал на Гуадалканале на двое суток, а в начале третьих он вышел из джунглей прямо в расположение лагеря. Немногие тогда смогли узнать его – он был покрыт несколькими слоями грязи и крови, левая половина лица превратилась в сплошной синяк, а с шеи свисали верёвки, к которым были привязаны скальпы. Два десятка скальпов. С тех пор почти все избегали его, а он, казалось, был доволен таким положением вещей.

Почувствовав на себе взгляд, Ястреб обернулся, и, увидев командира, вытянулся по стойке смирно.

– Вольно, – сказал Джон: – Появилось задание, и я решил, что ты подойдёшь как нельзя кстати. Нужно грохнуть одну важную шишку. Согласен?

– Будет сделано, – на секунду в его голосе проскочили нотки заинтересованности.

– Отлично, – кивнул Бейкер: – Собирай позицию и отправляйся к Синатре. Он проведёт вводную.

– Есть, – Ястреб принялся за сбор позиции, а капитан тем временем двинулся назад, на базу.

«Что ж, жребий брошен»

7. Легенда

6 мая. 00—13

И слепо повинуюсь судьбе, по своим рельсам шёл упомянутый литерный поезд на несколько вагонов. Локомотив тяжело дышал, делал частые остановки, словно стараясь оттянуть момент randevу с неизбежностью, сбрасывал ход перед каждым мостом, осторожно притормаживая перед неизвестностью да светил приглушенным фонарём в слепую темноту душной майской ночи.

Локомотив дал пару задорных гудков и снова немного сбавил ход.

– Сколько же можно остановок! Каждому столбу кланяемся! – проворчал генерал Максименко

Переводчик ответил: – Ноль-шестнадцать. Входим на мост через Эльбу. Будем на месте назначения через три часа.

– Больше остановок не будет...

– Задумались о чём-то?

– Загадка – мой визит сюда. Зачем я здесь, а не дома.

Переводчик улыбнулся краешком рта: – Для меня, товарищ генерал-майор ваш визит так же загадочен. Впрочем, у Рокоссовского решили, что вы подходящая кандидатура

для командования нашей Отдельной тяжелотанковой бригады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.